

7 163
488

РУССКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

ФИЛАРЕТЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ, И Ѳ. П. ГААЗЪ.

ПРОФ. МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

И. Н. Корсунскаго.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.

1893

РУССКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Филаретъ, митрополитъ Московскій, и Ѳ. П. Гаазъ.

Въ прошедшемъ 1892 году 19 ноября исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины приснопамятнаго святителя Филарета, митрополита Московскаго, послѣдовавшей въ 1867 году. Въ нынѣшнемъ году 16 августа исполняется 40 лѣтъ со дня смерти чело-вѣка, который не только не занималъ какого либо положенія въ духовномъ вѣдомствѣ нашемъ, но и не принадлежалъ къ православной церкви. Разумѣемъ главнаго доктора Московскихъ тюремныхъ больницъ статскаго совѣтника Ѳеодора Петровича Гааза, скончавшагося въ 1853 году. Представляется страннымъ на первый взглядъ сопоставленіе этихъ двухъ лицъ: однако странность исчезаетъ, если примемъ во вниманіе ихъ совмѣстное участіе въ дѣлахъ благотворительности вообще и ихъ довольно близкую и частую соприкосновенность въ отношеніяхъ по Московскому Попечительному о тюрьмахъ Комитету въ частности. Довольно много было писано въ память 25 лѣтیا со дня кончины митрополита Филарета, хотя во-проса объ участіи его въ дѣлахъ благо-творительности печать почти не касалась: приближающееся 40-лѣтіе со дня кончи-ны Ѳ. П. Гааза также побуждаетъ насъ помянуть добрымъ словомъ и этого, по истинѣ добраго, чело-вѣка, «друга несчастныхъ», «святаго доктора», какъ его на-зывали, тѣмъ болѣе, что о немъ и вооб-

ще доселѣ сравнительно мало было пи-сано *).

Мы собственно, въ настоящемъ на-шемъ очеркѣ, имѣемъ въ виду, при со-поставленіи митрополита Филарета и Ѳ. П. Гааза, разсѣять, во возможности, нѣ-которые недоразумѣнія и заблужденія относительно перваго изъ нихъ, такъ какъ гласно, въ печати уже высказана и не разъ повторена была мысль, налагающая мрачную тѣнь на свѣтлый ликъ Москов-скаго святителя Филарета, котораго не безъ основанія многие, и особенно народъ, простой по преимуществу народъ, а так-же и близко знавшіе его изъ образован-наго класса, считали и прямо называли «святымъ» **); при томъ тѣнь между про-чимъ и въ отношеніи къ вопросу о бла-готворительности и именно въ сопостав-леніи его съ Ѳ. П. Гаазомъ съ этой сто-роны. Я разумѣю мысль, брошенную по-койнымъ И. А. Арсеньевымъ въ его

*) Срав. напр. краткій некрологъ Ѳ. П. Гааза въ *Москов. Вѣдомостяхъ* 1853 г. № 101; статьи въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1868, № 11 (ноябрь), стр. 290 и дал.; въ *Историч. Вѣстникѣ* 1887, № 3 (мартъ), стр. 566 и дал.; въ *Дѣтской Помо-щи* 1891 г. № 4, стр. 128 и дал. и др.

**) Это не скрыто и при высказываніи рассмат-риваемой нами теперь мысли, но конечно, объ этомъ говорится въ ироническомъ тонѣ. Цитату см. ниже. И напротивъ, безъ всякой ироніи жизнь митрополита Филарета названа „святою“ даже съ высоты Престола Царскаго. См. *Привосл. Обзор.* 1867, XXIII, 149.

«Воспоминаніяхъ», гдѣ онъ, ссылаясь на свою близость къ митрополиту Филарету по дѣламъ службы, представляетъ Филарета человѣкомъ безсердечнымъ и какъ бы въ подтвержденіе этого указывая на нѣкоторые случаи отношенія его къ подчиненному духовенству и раскольникамъ, между прочимъ говоритъ: «Къ арестантамъ Филаретъ относился тоже крайне несимпатично и положительно сердился на доктора Гааза, когда тотъ, съ свойственнымъ ему благодушіемъ, настаивалъ на облегченіи участи арестанта, или на выдачѣ пособія семейству заключеннаго»^{*)}. О Ѳ. П. Гаазѣ, напротивъ, И. А. Арсеньевъ еще раньше, въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ», сообщалъ, какъ о человѣкѣ идеально добромъ и истинномъ благотворителѣ человѣчества^{**}).

Предварительно изображенія отношеній между митрополитомъ Филаретомъ и Ѳ. П. Гаазомъ и сравненія ихъ между собою по дѣламъ благотворительности и въ особенности по Тюремному Комитету, скажемъ нѣсколько словъ о томъ и другомъ въ отдѣльности, именно сколько это нужно для нашей цѣли.

Митрополитъ Филаретъ и Ѳ. П. Гаазъ были современники. Старшимъ изъ нихъ былъ Ѳ. П. Гаазъ. Онъ родился въ 70-хъ годахъ прошедшаго столѣтія въ южной Германіи и былъ римско-католическаго исповѣданія. Случайно познакомился онъ съ находившимся на русской службѣ барономъ Фитингофомъ и съ семействомъ послѣдняго, въ качествѣ гвернера, прибылъ въ Россію, а за тѣмъ снова вернулся въ Германію, получилъ тамъ степень доктора медицины и въ 1807 году прибывъ опять въ Россію, поселился въ Москвѣ и здѣсь оставался до конца своей жизни, занимаясь медицинскою практикою. Своимъ добрымъ, участливымъ отношеніемъ ко всемъ пациентамъ, безъ различенія бѣдныхъ отъ богатыхъ, своимъ безкорыстіемъ, благодушіемъ, заступничествомъ за притѣсняемыхъ и другими своими добрыми каче-

^{*)} *Историч. Вѣстникъ* 1887, № 4, стр. 70, гдѣ далѣе, въ подтвержденіе этого и приводится извѣстный случай столкновенія митр. Филарета съ Ѳ. П. Гаазомъ, сообщаемый и въ другихъ періодическихъ и не періодическихъ изданіяхъ.

^{**}) Тамъ же, № 3, стр. 566 и дал.

ствами и дѣйствіями, при хорошемъ знаніи и врачебнаго дѣла, онъ скоро приобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе въ Москвѣ. Благодаря своему врачебному искусству, онъ составилъ себѣ и хорошее состояніе: приобрѣлъ имѣніе, купилъ домъ и имѣлъ хорошихъ лошадей. Но едва вступилъ онъ въ должность члена Московскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета и сдѣланъ былъ главнымъ докторомъ тюремныхъ больницъ въ 1829 году, какъ мало по малу сталъ бѣднѣть и за послѣднія 20 лѣтъ своей жизни былъ совершеннымъ бѣднякомъ, одѣвался въ сильно поношенное платье и ѣздилъ на парѣ клячъ, съ сѣдымъ какъ лунь и также бѣдно одѣтымъ кучеромъ, въ старомъ, плохомъ экипажѣ. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Гаазъ, ближе вошедши въ тюремное дѣло, познакомившись съ его требованіями и подробностями на началахъ филантропіи школы извѣстнаго знатока и преобразователя тюремнаго дѣла Джона Говарда (род. въ 1726 г. и умеръ въ 1790 году^{*)}), по природной добротѣ сердца, не щадилъ своего состоянія на улучшеніе тюремнаго дѣла, на пособія заключеннымъ въ тюрьмахъ и пересыльнымъ арестантамъ съ ихъ семействами, на вспомошествованіе бѣднымъ и на другія дѣла частной и общественной благотворительности^{**}). За эти послѣдніе 20 лѣтъ своей жизни онъ почти во все не имѣлъ, какъ имѣлъ прежде, врачебной практики между вельможами и богатыми, а ѣздилъ на своихъ клячахъ только къ бѣднымъ больнымъ, разсѣяннымъ по разнымъ закоулкамъ Москвы, въ мѣста заключенія преступниковъ и пересыльныхъ арестантовъ, въ больни-

^{*)} О Дж. Говардѣ см. между прочимъ статью ннѣшняго нашего главнаго начальника тюремнаго управленія М. Н. Галкина-Враскаго въ *Русск. Старинѣ* за 1880 г. т. XXIX, стр. 379 и дал. Послѣдніе годы своей жизни Дж. Говардъ провелъ у насъ въ Россіи, на югѣ, также по тюремному дѣлу, съ цѣлію улучшенія его и умеръ въ Херсонѣ, гдѣ въ ннѣшнемъ столѣтіи и памятникъ ему поставленъ. Горячіе приверженцы и послѣдователи его, особенно братья Вальтеръ и Джонъ Веннингъ, воздѣйствовали и на официальной почвѣ, съ цѣлію улучшенія у насъ, въ Россіи, тюремнаго дѣла, вліяя на это улучшеніе въ самомъ Петербургѣ.

^{**}) Есть впрочемъ извѣстіе, что Ѳ. П. Гааза, по его добротѣ, по просту сказать, обобрали.

цы, въ полицейскія учрежденія для справокъ и под. объ арестантахъ и ихъ семействахъ, а если бывалъ и у богатыхъ и вельможъ, у людей знатныхъ и влиятельныхъ, то или съ просьбою о пожертвованіяхъ въ пользу несчастныхъ или съ ходатайствами за нихъ. Когда онъ скончался, то его не на что было похоронить; денегъ у него не осталось, и расходы на его похороны приняли на себя добрые люди. Не оставилъ Ѳеодоръ Петровичъ послѣ себя денегъ, но за то оставилъ болѣе дорогое, невещественное наслѣдіе, — добрую память о своихъ добрыхъ дѣлахъ. Его дѣятельность по тюремному Комитету была неутомима, широка и плодотворна. И прежде всего его любвеобильному сердцу, его почину и доброму участію Москва обязана какъ устройствомъ, такъ и благоустроеніемъ тюремной больницы въ тюремномъ замкѣ и ея отдѣленія при пересыльной тюрьмѣ, на Воробьевыхъ горахъ. Ранѣе существовавшая при тюремномъ замкѣ больница, построенная, иждивеніемъ бывшаго Московскаго оберъ-полиціймейстера А. С. Шульгина, въ одномъ изъ корридоровъ замка, была и малопомѣстительна и не довольно благоустроена. Въ 1825 году, по случаю эпидемической горячки, она была переведена во временное отдѣленіе при Покровскихъ казармахъ и оставалась тамъ до 1830 года, когда, по проекту друга Ѳ. П. Гааза, доктора Поля, и благодаря усиленнымъ стараніямъ самого Ѳ. П. Гааза, на пожертвованія имъ же преимущественно расположенныхъ къ тому благотворителей, начата и скорѣ кончена постройка особаго двухъэтажнаго зданія для больницы при самомъ тюремномъ замкѣ (къ каковому зданію впоследствии сдѣлана была еще пристройка), въ 48 кроватей для мужчинъ и 24 кровати для женщинъ. Больница эта, благодаря неутомимому усердію и заботливости того же Ѳ. П. Гааза и его настойчивымъ ходатайствамъ предъ начальствомъ, была содержима въ примѣрномъ порядкѣ. Въ 1837 году, по значительному числу больныхъ въ тюремной больницѣ, женское отдѣленіе ея было выведено изъ замка въ Старую Екатерининскую больницу, гдѣ въ 1840 году, по случаю эпидемической горячки, число помѣщеній увеличено на

400 человекъ обоого пола; когда же эпидемія прекратилась, то Московскій генераль-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, по представленію Гааза, разрѣшилъ полиціи отсылать въ это отдѣленіе больныхъ венерическихкихъ и чесоточныхъ, которые пользовались здѣсь лѣченіемъ бесплатно. Далѣе, въ 1844 году, при учрежденіи больницы для чернорабочихъ, по предложенію того же Гааза, ей отданы помѣщенія въ Старой Екатерининской больницѣ; а бывшіе тамъ больные арестанты переведены обратно въ замокъ; оставшіеся же тамъ 150 человекъ больныхъ перемѣнены въ зданіе бывшаго Ортопедическаго института. Это зданіе и подыскано было Ѳ. П. Гаазомъ и исправлено на его собственный счетъ и на счетъ благотворителей, и сюда, выражаясь словами самого Ѳ. П. Гааза, «по милостивому распоряженію его свѣтлости г. военнаго генераль-губернатора, полиція имѣетъ право и обязанность присылать больныхъ, кои, за неимѣніемъ мѣстъ, или по другимъ причинамъ, не могутъ быть приняты въ другихъ больницахъ *). Эта полицейская больница, по мысли Ѳеодора Петровича, названа «Прибѣжищемъ для безпріютныхъ больныхъ», но въ народѣ она сдѣлалась извѣстною подъ именемъ «Газовской» больницы. Она также до конца жизни Ѳ. П. Гааза была предметомъ самыхъ нѣжныхъ его попеченій и въ ней все было такъ хорошо устроено и обставлено, что сюда везли больныхъ отовсюду, въ увѣренности, что «у Гааза не будетъ отказа» и что здѣсь уходъ за больными былъ образцовый. Не удивительно, по этому, что число больныхъ въ этой больницѣ мало-по-малу отъ 150 возрасло до 240. При заботахъ о благоустройствѣ этой больницы Ѳ. П. Гаазу приходилось бороться съ величайшими затрудненіями, вступать въ споры часто изъ-за мелочей и т. д., тѣмъ болѣе, что начальствъ въ отношеніи къ ней было нѣсколько: больница находилась въ вѣдѣніи Московскаго оберъ-полиціймейстера; хозяйственная же часть велась конторой тюремныхъ больницъ, которая, въ свою очередь, во многомъ зависѣла отъ Попе-

*) См. *Русск. Вѣстникъ* 1868, № 11 (т. LXXVI), стр. 345.

чительнаго о тюрьмахъ Комитета, который не часто (не болѣе двухъ разъ, а обыкновенно по одному разу въ мѣсяцъ) собирався. Своею настойчивостію однако и просьбами Ѳ. П. Гаазъ по большей части достигалъ того, чего желалъ въ видахъ благоустройства и улучшеній въ отношеніи къ больницѣ. — Но и этимъ не ограничивалась дѣятельность Ѳ. П. Гааза по тюремному Комитету или вообще по тюремному дѣлу. И по влеченію своего любвеобильнаго сердца и въ исполненіе Высочайше утвержденныхъ 19 іюля 1819 года правилъ о дѣятельности Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, изъ коихъ VIII-е прямо поставляетъ обязанностію Комитета «содѣйствіе къ улучшенію существующихъ нынѣ тюремъ *»), Ѳ. П. Гаазъ весьма ревностно, въ духѣ Дж. Говарда и его послѣдователей, сталъ заботиться объ этомъ «улучшеніи» по всемъ частямъ: и въ отношеніи къ гигиенѣ помѣщенийъ заключенныхъ и арестантовъ, и въ отношеніи къ столу ихъ, и въ отношеніи къ способамъ ихъ содержанія въ тюрьмѣ и подъ стражей, и т. д. Черезъ это онъ прослылъ, какъ и дѣйствительно былъ, «другомъ несчастныхъ», но за то нажилъ себѣ и враговъ, или если не враговъ, то людей, слишкомъ тяготившихся его настойчивостію и назойливостію въ этомъ ствошеніи, называвшихъ его дѣйствія «утрированной филантропіею» и под. Такъ, напримѣръ, это было въ отношеніи къ кандаламъ, въ которыхъ заковывали преступниковъ и пересыльныхъ арестантовъ. До 1824 года отправляемые въ Сибирь на поселеніе и всѣ пересылаемые по этапамъ, а также приговоренные къ ссылкѣ за не важныя преступленія шли свободно, и только на приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ надѣваемые были, по прочтеніи приговора, ножные кандалы, мѣра и вѣсы коихъ не были опредѣлены никакими правилами. Въ 1824 году, 4 апрѣля, начальникомъ Главнаго Штаба генераль-адъютантомъ Дибичемъ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сообщена была Высо-

чайшая воля—налагать легкіе, ручные желѣзные прутья на всѣхъ, слѣдовавшихъ до того не закованными, арестантовъ, во время препровожденія ихъ въ Сибирь по губерніямъ: Казанской, Пермской и Оренбургской. Въ слѣдующемъ 1825 году командиръ корпуса внутренней стражи графъ Комаровскій, довольный тѣмъ, что благодаря такому изобрѣтенію, даже и при небольшомъ числѣ конвойныхъ, уменьшилось число побѣговъ между ссыльными особо ходатайствовалъ о распространеніи этой мѣры и на всѣхъ пересылаемыхъ по этапамъ. На докладъ его о семъ послѣдовало Высочайшее утвержденіе отъ 12 мая того же года, и такимъ образомъ введены были у насъ «легкіе» прутья, которые для конвоируемыхъ были не только не «легкими», но и были источникомъ мучительнѣйшихъ истязаній. «Легкій» ручной пруть состоялъ изъ желѣзнаго стержня, около 8 вершковъ длины и около 10 фунтовъ вѣсомъ; одинъ конецъ стержня имѣлъ головку, а другой—особое ушко, сквозь которое продѣвалась дужка замка. На стержень, по снятіи замка, нализывалось отъ 6 до 8 желѣзныхъ запястьевъ, называвшихся наручами, сдѣланныхъ такъ, что они охватывали плотно руку выше кисти. Пруть съ запястьями вѣсилъ до 12-ти и болѣе фунтовъ. Мученіе заковываемыхъ такимъ образомъ состояло преимущественно въ томъ, что заковываемо было и запиралось на замокъ человекъ по шести сразу, а ключъ отъ замка пересылаемъ былъ, независимо отъ слѣдованія арестантовъ, на далекое разстояніе къ этапнымъ начальникамъ, и потому всѣ эти шесть человекъ принуждены были, во все время слѣдованія по пути отъ одного этапнаго начальника до другаго, днемъ и ночью быть вмѣстѣ, совершать всѣ фیزیологическія отправленія. Также при такомъ совмѣстномъ заключеніи (напримѣръ, ночью одному предстояла надобность выйти на дворъ, и всѣ остальные, прикованные къ тому же пруту, должны были выходить вмѣстѣ съ нимъ; одинъ заболѣлъ или даже умеръ дорогой, остальные должны были тащить его за собою, и т. д.), при чемъ треніе руки о желѣзный наручникъ и пруть, не говоря уже о холодѣ, испытываемомъ зимою отъ прикосновенія руки

*) См. 1-е Полн. Собр. Законовъ т. XXXVI, № 27895. Срав. также Правило X-е, поставлющее одну изъ обязанностей Комитета еще заботу „объ улучшеніи порядковъ въ тюрьмахъ“. Тамъ же.

къ желѣзу, производилось не только у одного изъ этихъ шести отъ его собственнаго наручника и прута, но и у каждаго изъ нихъ отъ движенія рукъ всѣхъ прочихъ вмѣстѣ закованныхъ. Отъ того на рукахъ ихъ обыкновеннымъ и весьма частымъ явленіемъ были опухоли и раны, къ тому же постоянно растравляемыя не прекращавшимся треніемъ, тѣмъ болѣе, что часто вмѣстѣ заковываемы были великорослые съ малорослыми, что, конечно, увеличивало неудобства совмѣстныхъ и одновременныхъ движеній ихъ, между тѣмъ какъ каторжники продолжали быть заковываемы въ ножные кандалы, имѣя руки свободными. По этому не удивительно, что пересыльные, какъ милости, просили себѣ ножныхъ кандаловъ, вмѣсто этихъ «легкихъ» ручныхъ прутьевъ. Если же прибавить къ тому, что часто заковываемы были такимъ образомъ вмѣстѣ и болѣе важные преступники и несовершеннолѣтніе провинившіеся, то зло еще болѣе увеличивалось, ибо, кромѣ физическаго мученія, обнаруживалось и дурное нравственное вліяніе однихъ на другихъ. Такъ какъ Москва была (какъ и доселѣ остается) однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ этапныхъ, гдѣ постоянно скоплялось до нѣсколькихъ сотъ пересыльныхъ, то, по введеніи въ нее означенной мѣры, скоро было замѣчено это неудобство и это зло, и именно со вступленіемъ Гааза въ должность главнаго врача тюремныхъ больницъ. Пользуясь расположеніемъ и поддержкою такого вліятельнаго и могущественнаго покровителя, какъ Московскій генераль-губернаторъ, Ѳ. П. Гаазъ, какъ членъ Московскаго Тюремнаго Комитета и какъ докторъ, уже въ 1829 году возбудилъ дѣло объ отмѣнѣ упомянутой жестокой мѣры или, по крайней мѣрѣ, о возможномъ облегченіи несчастныхъ пересыльныхъ. И такъ какъ, вслѣдствіе представленія о семъ Московскаго генераль-губернатора князя Голицына, дѣло это поступило на разсмотрѣніе въ разныя инстанціи (черезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ Военное Министерство, а отсюда къ начальнику корпуса внутренней стражи), вслѣдствіе чего возникла длинная между ними и подчиненными начальствами переписка, да еще къ тому примѣшались личные счеты и

неудовольствія *), то проволочка по рѣшенію вопроса о томъ затянулась на нѣсколько лѣтъ. А между тѣмъ дѣло, при томъ положеніи, въ какомъ оно находилось по отношенію къ пересыльнымъ арестантамъ, не требовало отлагательства, если, какъ и должно было, смотрѣть на него не тѣмъ безучастнымъ, казеннымъ, такъ сказать, взоромъ, какой господствовало въ бюрократическихъ сферахъ, находившихся вдали отъ испытываемыхъ пересыльными мученій, а взоромъ сердечнаго участія, какое принимали въ этихъ несчастныхъ люди, подобные Гаазу, видѣвшему въ этихъ несчастныхъ также людей, хотя и отлученныхъ отъ общества свободныхъ гражданъ. По этому Гаазъ, не дожидаясь рѣшенія дѣла о «легкихъ» ручныхъ прутьяхъ, съ одной стороны имѣя въ виду то, что заковываемые въ нихъ не суть каторжники, а съ другой, принимая во вниманіе ихъ собственное предпочтеніе надѣваемымъ на каторжниковъ ножнымъ кандаламъ вмѣсто означенныхъ прутьевъ, придумалъ имъ облегченные ножные кандалы съ цѣпью въ одинъ аршинъ длины и съ округленными обоями, такъ что они не терли ногъ даже не будучи обшиты кожей. Размѣръ ихъ, вѣсъ и устройство таковы, что арестанты, какъ милости, просили заковывать ихъ въ эти, «Газовекіе» кандалы, даже долго спустя послѣ того, какъ въ 1832 году желѣзные ручные прутья были замѣнены цѣпями, при соблюденіи прежняго условія заковыванія такимъ образомъ нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ **). Есть преданіе,

*) Военный министръ графъ Чернышовъ не благоволитъ къ князю Д. В. Голицыну, начальникъ корпуса внутренней стражи генераль Капцевичъ, къ которому ближе всего относилось разсматриваемое дѣло, не теритѣльнъ вниманія другіхъ въ его область вообще и считалъ это за личное себѣ оскорбленіе, и т. д.

**) Рѣшивъ дѣло о ручныхъ прутьяхъ такимъ образомъ, генераль Капцевичъ считалъ дѣло это поконченнымъ и желаніе князя Голицына и Гааза удовлетвореннымъ. Но само собою разумѣется, при заковываніи нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ главное зло не уничтожалось, ибо запираніе замкомъ продолжалось. Поэтому Московскій Тюремный Комитетъ не считалъ дѣла удовлетворительно рѣшеннымъ и снова дѣлалъ по нему представленія къ высшему начальству и даже къ самому Государю Императору (черезъ Московскаго генераль-губернатора князя Голицына, котораго Государь лю-

что *Θ. П. Гаазъ* устроилъ эти облегченныя кандалы, сперва на себѣ испытывалъ ихъ удобство. Онъ по нѣскольку разъ въ день принимался ходить въ нихъ по своей комнатѣ. Въ такомъ упражненіи засталъ его однажды гражданскій губернаторъ *И. Г. Сенявинъ* и сначала не могъ придти въ себя отъ удивленія, а за тѣмъ, понявъ въ чемъ дѣло, принялся обнимать смущеннаго *Θеодора Петровича*.

Кромѣ этихъ облегченныхъ кандаловъ, *Θ. П. Гаазъ* дѣлалъ и другія облегченія заключеннымъ и пересыльнымъ арестантамъ, часто даже обходя законныя о нихъ постановленія и Высочайше утвержденныя распоряженія властей, заботился объ улучшеніи тюремнаго дѣла и въ нравственномъ отношеніи, а не только что въ гигиеническомъ, какъ напримѣръ о томъ, чтобы женщины не заключаемы были въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ мужчинами, малолѣтніе съ закоренѣлыми преступниками, чтобы заключенные снабжены были духовными книгами и т. п. И при этомъ дѣйствовалъ онъ всегда весьма энергично, часто споря, горячась и сердясь, иногда не взирая на то, что вторгается въ чужую область, вслѣдствіе чего не только начальствующіе по разнымъ частямъ управленія, имѣвшіе съ нимъ тѣ или иныя отношенія, но и обыкновенные члены Тюремнаго Комитета часто негодовали за это на него, считая его чловѣкомъ безпокойнымъ, утрирующимъ филантропію, желавшимъ выдаваться впередъ, всюду совать свой носъ, какъ говорится, и под. При всемъ томъ ближе знавшіе дѣло и самого Гааза хорошо понимали, что это дѣлалъ онъ изъ искренно добрыхъ намѣреній, «единственно по безпримѣрному добродушію его», какъ о немъ отзывался въ 1833 году въ своемъ представленіи министру вънутреннихъ дѣлъ

билъ). Это раздражало генерала Капцевича и такъ какъ онъ зналъ, что главною виною всѣхъ этихъ препирательствъ былъ докторъ Гаазъ, то считая и называя прямо дѣйствія его „утрированной филантропіею“, принимающею въ расчетъ лишь интересы арестантовъ, а оставляющею безъ вниманія интересы заслуженныхъ инвалидовъ, — копейныхъ, даже формально предлагалъ уволить Гааза отъ занимаемыхъ имъ должностей по тюремному дѣлу. См. обо всемъ этомъ въ поминутой статьѣ *Русск. Вѣстника* за 1868 г.

по тому же вопросу объ отмѣнѣ ручныхъ оковъ Московскій генераль-губернаторъ князь *Д. В. Голицынъ* *). И дѣйствительно, посвятивъ съ 1829 года всю жизнь свою тюремному дѣлу на началахъ филантропіи *Дж. Говарда*, *Θ. П. Гаазъ* не имѣлъ и не питалъ другихъ намѣреній, кромѣ добрыхъ, въ отношеніи къ этому дѣлу и не обращалъ много вниманія на то, какъ объ немъ думаютъ, но неуклонно и съ прежнею энергіею продолжалъ свое святое дѣло, обезоруживая всѣхъ своихъ противниковъ своимъ, по истинѣ «безпримѣрнымъ», добродушіемъ. Можно смѣло сказать, что никто изъ членовъ Московскаго тюремнаго Комитета не былъ такъ искренно и всецѣло преданъ своему дѣлу и такъ неутомимо дѣятеленъ, какъ онъ. Во все время завѣдыванія его тюремною частію, съ 1829 года и по 1853-й, ни одна партія пересыльныхъ арестантовъ не приходила въ Москву и не отправляема была далѣе, которой бы онъ тщательно не осмотрѣлъ, не принялъ бы во вниманіе малѣйшихъ обстоятельствъ, препятствующихъ или способствующихъ ея благосостоянію, не распросилъ бы о семейныхъ обстоятельствахъ арестантовъ и арестантокъ, не похлопоталъ бы о комъ нужно и гдѣ только можно, и т. д., ни одинъ закоулокъ тюремныхъ помѣщеній Москвы не остался безъ его внимательнаго и участливаго осмотра, безъ его заботливой попытки по возможности улучшить ихъ. Столь арестантовъ, принадлежности ихъ деннаго и ночнаго обихода, ихъ рабочее и досужее время и проч. также не ускользали отъ его внимательнаго и попечительнаго взора. Состраданіе его къ нимъ, какъ и вообще къ несчастнымъ, доходило до самоотверженія. Чтобы достать нужную справку ради облегченія участи того или другаго арестанта, онъ, не смотря ни на какую погоду, всегда тотчасъ же ѣхалъ за такою справкою и не разъ весь промокши до костей отъ дождя или заоченѣвъ отъ холода привозилъ эту справку. Когда не доставало коекъ въ больницѣ, онъ помѣщалъ больныхъ въ свою квартиру и ухаживалъ за ними какъ за родными, не обращая вниманія на заразительность или

*) См. *Русск. Вѣстн.* 1868, № 11, стр. 327.

не заразительность болѣзни, и под. «Онъ не имѣлъ семейства, — говорено было подѣ живымъ впечатлѣніемъ его кончины, — но былъ связанъ узами любви со всѣмъ человѣчествомъ. Состраданіе его, — говорено было тогда же, — доходило до самоотверженія, милосердіе до страсти, любовь къ человѣчеству до фанатизма *). Онъ и другимъ внушалъ и самъ вѣрно исполнялъ правило: «спѣшите дѣлать добро». Онъ дѣлалъ добро во всѣхъ возможныхъ для него въ его положеніи видахъ, нерѣдко и духовно поучая заключенныхъ, для которыхъ онъ даже приказалъ изготовить особые громадныя бѣлые щиты съ написанными на нихъ краснымъ цвѣтомъ разными нравственными правилами и благочестивыми размышленіями, каковыя щиты и поставлены были по обѣимъ сторонамъ корридора въ больницѣ пересыльной тюрьмы и въ другихъ мѣстахъ; убѣждалъ преступниковъ раскаяться, а обнаруживавшихъ раскаяніе обнималъ, какъ друзей своихъ **), и т. д. Безпримѣрная доброта его отражалась и въ лицѣ, во взорѣ и во всѣхъ движеніяхъ его. Его тѣлесное благообразіе вполне гармонировало съ красою его души. Не удивительно, по этому, что его любили не только такіе люди, какъ князь Д. В. Голицынъ, всегда крѣпко его заставлявший, и энергически поддерживавший все его благія начинанія, но и люди простые, особенно же несчастные и арестанты, любовь которыхъ къ нему часто доходила до обожанія ***). Послѣ его смерти бюстъ его поставленъ былъ въ конторѣ тюремной больницы, на память о немъ. Хоронила его (19 августа 1853 года) едва не вся Москва: право-

славные, старообрядцы, знатные и убогіе, все плакали, массы народа сопровождали его тѣло до Введенскихъ горъ, гдѣ онъ былъ погребенъ на римско-католическомъ кладбищѣ. Узнавъ о смерти его, находившіеся въ Сибири ссыльные поставили ему тамъ памятникъ и при этомъ памятникъ совершали надъ нимъ панихиды, а въ Нерчинскѣ съ тою же цѣлю поставили икону св. Ѳеодора Тирона. Въ первое же ближайшее послѣ его смерти засѣданіе Тюремнаго Комитета 12 сентября 1853 года вице-президентъ его гражданскій губернаторъ Ив. Вас. Капнистъ сказалъ въ своей рѣчи при открытіи засѣданія между прочимъ слѣдующее: «Пригласивъ васъ въ настоящее засѣданіе нашего Общества, я былъ побуждаемъ къ тому потребностію моего сердца, — выразить ту искреннюю скорбь, которую, безъ сомнѣнія, вы все со мною раздѣляете. Смерть похитила изъ среды насъ одного изъ достойнѣйшихъ членовъ нашихъ — Ѳеодора Петровича Гааза!... Въ продолженіи почти полувѣковаго пребыванія своего въ Москвѣ, онъ болѣшую часть этого періода своей жизни посвятилъ исключительно облегченію участи заключенныхъ. Кто изъ насъ, мм. гг., не былъ свидѣтелемъ того самоотверженія, того истинно-христіанскаго стремленія, съ которымъ онъ поспѣшалъ на помощь страждущимъ. Вѣрный своей цѣли и своему назначенію, онъ неуклонно слѣдовалъ въ пути, указанномъ ему благотворными ощущеніями его сердца! Никогда и никакія препятствія не могли охладить его дѣятельность; напротивъ, они какъ будто сообщали ему новыя силы. Убѣжденія и усилія его доходили часто до фанатизма, если такъ можно назвать благородныя его увлеченія. Но это былъ фанатизмъ добра, фанатизмъ состраданія къ страждущимъ, фанатизмъ благотворенія, — этого благодатнаго чувства, облагораживающаго природу человѣка...»). Вместе съ тѣмъ И. В. Капнистъ предложилъ увѣковѣчить память Ѳ. П. Гааза составленіемъ капитала, проценты съ котораго раздавать ежегодно въ день кончины Гааза, 16-го августа, бѣднымъ семействамъ арестантовъ, потому что «мысль подобнаго рода благо-

*) См. некрологъ Ѳ. П. Гааза въ *Моск. Вѣдом.* за 1853 г., № 101.

**) Между прочимъ генералъ Капцевичъ это обстоятельство, т. е. цѣлованіе Ѳ. П. Гааза съ арестантами ставилъ ему въ вину, такъ какъ будто бы этимъ, равно какъ и уступками разнаго рода въ пользу арестантовъ и пересыльныхъ, онъ, кромѣ того, что деморализовалъ преступниковъ, задерживалъ ихъ при отправленіи. См. въ *Русск. Вѣстн.* 1868, № 11, стр. 333—334; срав. также стр. 331.

***) Конечно, бывало также и то, что арестанты и пересыльные, пользуясь добротой Ѳ. П. Гааза, обманывали его, изподтишка подсмѣивались надъ нимъ и под. Но это отнюдь не было общимъ явленіемъ, какъ думали иные. См. *Русск. Вѣстн.* 1868, № 11, стр. 348.

*) *Русск. Вѣстн.* 1868, № 11, стр. 351.

творенія принадлежала исключительно ему и выполнение ея было, такъ сказать, любимымъ его дѣломъ». Для составленія этого капитала, на которое все члены отозвались съ полнѣйшею готовностію и искреннѣйшимъ сочувствіемъ предложенію, тотчасъ же внесено членами по подпискѣ 1,050 р.; отдѣлено изъ благотворительной суммы Тюремнаго Общества 1,000 р. и розданы членамъ книжки для собиранія подписки. О рѣшеніи Комитета былъ увѣдомленъ и президентъ Общества Попечительнаго о тюрьмахъ графъ А. Ѳ. Орловъ († 1862), который также съ полнымъ сочувствіемъ къ «христіанской дѣятельности покойнаго Гааза» изъяснилъ согласіе на выдѣленіе означенной суммы изъ благотворительнаго капитала Комитета *).

Таковъ былъ Ѳ. П. Гаазъ. Позже его родился (именно въ 1782 году) и скончался (въ 1867 году) святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій, который однако гораздо ранѣе его примкнулъ къ Обществу попечительному о тюрьмахъ, именно съ самаго основанія его въ 1819 году онъ вошелъ въ составъ Петербургскаго Комитета въ качествѣ одного изъ его вице-президентовъ **), также какъ и въ Московскомъ Комитетѣ, съ самаго основанія въ Москвѣ такого же Общества (въ 1828 году), онъ состоялъ вице-президентомъ его. И между тѣмъ какъ Ѳ. П. Гаазъ былъ, можно сказать, духовнымъ питомцемъ римско-католической церкви и западнаго филантропа Джона Говарда съ его послѣдователями, митрополитъ Филаретъ учился человѣколюбію (*φιλανθρωπία*) и благотворительности на лонѣ русскаго православія, сперва среди любящей и взаимно любимой имъ семьи родительской въ небольшомъ по числу жителей, но издавна славившемся ихъ благочестіемъ, уѣздномъ городѣ Московской губерніи Коломнѣ ***) (до 1800 года), а затѣмъ (въ 1800—1808 годахъ) среди любящей и также любимой семьи семинарской въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, гдѣ истиннымъ

отцемъ или патріархомъ этой семьи былъ митрополитъ Платонъ († 1812) *), извѣстный столько же своимъ высокимъ свѣтлымъ умомъ, сколько и добрымъ сердцемъ. Рано открывшіяся въ Филаретѣ блестящія умственныя дарованія, при гармоническомъ развитіи его духовныхъ силъ не заглушили въ немъ порывовъ сердца, и его горячая любовь, какъ чувство, его сердечность такъ же часто и сильно проторгались въ его дальнѣйшей, слѣдовавшей за періодомъ воспитанія, жизни и дѣятельности, какъ для всехъ явны были всюду и во всемъ обнаруженія и слѣды его необыкновенныхъ умственныхъ способностей; но къ сожалѣнію, для тѣхъ, которые не близко знали его, послѣднія были болѣе видны, нежели проявленія сердца и любви, по самой природѣ своей болѣе сокровенныя, нежели проявленія ума. При удаленіи (съ 1800 года) изъ родной семьи, естественно, переписка съ родными замѣнила для Филарета (въ мѣрѣ Василія Михайловича Дроздова) его болѣе частыя, живыя личныя съ ними сношенія, и въ письмахъ его къ роднымъ мы видимъ много признаковъ обнаруженія его сильныхъ, возвышенныхъ чувствъ любви, радости, религіозной настроенности, и т. д. **). А вся обстановка жизни въ стѣнахъ знаменитой иноческой обители, — Лавры преподобнаго Сергія еще болѣе возрѣвала и возвышала эти чувства. Величественное богослуженіе православной церкви въ Лаврѣ, оживляемое и возвышаемое частымъ совершеніемъ его со стороны пребывавшаго или въ Лаврѣ или въ Вианнѣ въ то время митрополита Платона ***), постоянная близость къ св. мощамъ великаго угодника Божія преподобнаго Сергія, живые примѣры строгаго подвижничества въ истинныхъ послѣдователяхъ преподобнаго Сергія — инокахъ его обители, завѣщанное преподобнымъ Сергіемъ и соблюдаемое въ обители

*) Тамъ же, стр. 351—352.

**) См. *Москов. Вѣдомости* за 1819 годъ № 86, отъ 25 октября.

***) См. *Письма м. Филарета къ роднымъ*, стр. 156, Москва, 1882.

*) Срав. Тамъ же, стр. 134.

**) Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ — рѣчи, подъ заглавіемъ: „Гармоническое развитіе и проявленіе силъ и способностей души въ святителѣ Филаретѣ, м. Московскомъ“, напечат. въ *Чтеніяхъ въ Общ. люб. дух. просв.* за 1892 г. № 12.

***) См. напр. въ *Письмахъ м. Филар. къ родн.* стр. 11—12; 18 и дал. 24; 32 д.; 41 и др.

страннопріимство *) и проч. были сильными орудіями къ укрѣпленію въ молодомъ ученикѣ и потомъ учителѣ Троицкой Лаврской семинаріи не только ума въ добрыхъ мысляхъ, но и сердца въ добрыхъ чувствованіяхъ. Не удивительно, поэтому, что и у самого Филарета, въ бытность его при Сергіевой Лаврѣ, «любимой мечтой было удостоиться по времени стать гробовымъ у раки Преподобнаго Сергія **), и другіе, зная по Лаврѣ его душевное настроеніе, еще въ 1811 году желали достать одну сказанную имъ тогда и напечатанную проповѣдь, чтобы «бесѣдовать съ прекрасною его душою, въ ней открытою» ***). Состоявшійся въ началѣ 1809 года переѣздъ Филарета изъ Сергіевой Лавры въ Петербургъ по обстоятельствамъ службы, изъ послушанія, долженъ былъ въ значительной мѣрѣ измѣнить его прежнюю душевную настроенность. вмѣсто прежняго характера семейной жизни, въ Петербургѣ Филаретъ встрѣтилъ политиканство, заставившее его умѣрять свою откровенность и быть болѣе осторожнымъ и въ словахъ и въ дѣйствіяхъ, болѣе скрытнымъ ****). Съ другой стороны жизнь въ Петербургѣ, по самымъ обстоятельствамъ его здѣсь службы и отношеній, потребовала отъ него гораздо болѣе работы ума, нежели проявленій сердца. Тѣмъ не менѣе и здѣсь сердце его отнюдь не бездѣйствовало, и когда только было можно и нужно, его чувства, по прежнему и даже еще болѣе прежняго возвышенно настроенныя, изливались столь же широкимъ и обильнымъ потокомъ, какъ и мысли его необыкновеннаго ума. Искренность, откровенность,

любовь и другія чувства особенно ясно выражаются въ письмахъ Филарета изъ Петербурга къ роднымъ и прежнимъ друзьямъ *). Его глубокая вѣра въ Бога, смиренная покорность волѣ Божіей, величайшая скромность при возвышавшемся все болѣе и болѣе его служебномъ положеніи, его совершенное безкорыстіе и нестяжательность не смотря на увеличившіяся съ возвышеніемъ этого положенія средства денежныя **), его сострадательность къ несчастнымъ и страждущимъ и т. д., также во многихъ случаяхъ выражались, какъ ни старался онъ о томъ, чтобы эти его чувства и настроеніе были сокрыты отъ постороннихъ взоровъ ***). «О если бы удалось быть хорошимъ человекомъ, и менѣе беспокоиться о томъ, будетъ ли мнѣ хорошо!» — вотъ девизъ, которымъ руководился уже въ то время Филаретъ въ своихъ дѣйствіяхъ съ этой стороны ****); и когда возвышеніе его по ступенямъ служебной лѣстницы и почестей стало итти не по днямъ, а по часамъ, какъ говорится, то онъ просилъ родителя (— протоіерея) о томъ, чтобы онъ молился Господу, «дабы наружныя почести не препятствовали ему сознавать его недостойнство предъ Богомъ и людьми, но служили бы только средствомъ свободнѣе и безпрепятственнѣе служить благу общему» *****). И уже въ Петербургѣ положено было начало его живому участию въ дѣлахъ не только частной, но и общественной благодѣтельности. О дѣлахъ частной благотворительности его мы не будемъ говорить, какъ онъ и самъ не любилъ говорить о ней и не любилъ,

*) Срав. его же *Письма къ архим. Антонию*, II, 244. Москва, 1878.

***) Сущковъ, *Записки о жизни и времени Филарета м. Моск.*, стр. 38. Москва, 1868. Въ Лаврѣ Филаретъ и постриженъ былъ въ монашество (въ 1808 г.).

****) А. А. Титова, *Рукописи И. А. Вахрамеева*, вып. 3, стр. 297. Сергіевъ Посадъ, 1892.

*****) „Здѣшнія дѣла, — писалъ Филаретъ отъ 6 ноября 1810 года своему родителю, — не всегда идутъ прямою дорогою; а потому на что ни положишь руку, всегда должно опасаться, чтобы не подтолкнули. Это иногда беспокоитъ; однако, — добавляетъ онъ, — и противъ него есть средство. Надобно все принимать не отъ людей, а отъ Бога, и все сдѣлается хорошимъ“. *Письма м. Филар. къ родн.* Стр. 140. Сравн. также стр. 116, 152, 160 и др.

*) Случаи подобныхъ выраженій можно читать въ упомянутой нашей статьѣ — рѣчь, помѣщенной въ № 12 *Чтеній въ Общ. люб. д. просв.* за 1892 г.

***) По слову Писанія, имъ самымъ часто проповѣданному: *богатство аше течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. 61, 11). Срав. *Соч. м. Филарета III*, 180. Москва, 1877.

*****) Срав. кромѣ означенной рѣчи нашей, еще нашу же статью: „Чертъ изъ жигія св. праведнаго Филарета милостиваго въ жизни Филарета митрополита Московскаго“, помѣщенную въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* за 1893 г. №№ 3, 5 и 6. Срав. также *Письма м. Филарета къ родн.*, стр. 121, 134, 302, 303, 308; 144, 156, 170, 202; 159, 167; 202 д.; 207, 214, 220 и др.

*****) *Письма м. Филарета къ родн.*, стр. 119.

*****) Тамъ же, стр. 177.

чтобы другіе о ней говорили, памятуя слово Спасителя: *Тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Матѳ. 6, 3) *). Въ виду ближайшей задачи нашего настоящаго очерка, мы обратимъ болѣе вниманія на его участіе въ дѣлахъ благотворительности общественной. — Уже въ 1812 году Филаретъ, въ то время архимандритъ, принимаетъ участіе въ пожертвованіяхъ на возстановленіе разоренныхъ французами церквей и на вспоможеніе разореннымъ тѣми же французами жителямъ и въ заботахъ правительства о семъ возстановленіи и вспоможеніи **). Въ слѣдующемъ 1813 году становится однимъ изъ первыхъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ учрежденнаго тогда Библейскаго Общества, имѣвшаго конечно цѣлю своею, *да не отымется хлѣбъ чадомъ* ***)! Затѣмъ онъ уже въ 1815 году составилъ проектъ «Положенія объ ученикахъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, къ содержанію себя способа на имѣющихъ»; въ 1816 году былъ Высочайше утвержденъ въ званіи члена Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и будучи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этого Общества, жертвовавшимъ на него много и изъ своихъ средствъ, оставался въ этомъ званіи до конца своей жизни ****). Къ 1819 году относится заключительное дѣйствіе Филарета, какъ ректора С.-Петербургской Духовной Академіи, по участию его въ благотворительности, относящейся собственно къ этой Академіи. Разумѣемъ составленный имъ въ семь году проектъ вспомогательнаго и поощрительнаго учрежденія на счетъ остаточ-

ныхъ суммъ» въ этой Академіи, имъ же скопленныхъ въ теченіе 1812 — 1818 годовъ его ректорства *). Наконецъ къ тому же 1819 году, но только когда Филаретъ уже назначенъ былъ архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ, хотя и жилъ все еще въ Петербургѣ по званію члена Св. Синода, онъ, также въ числѣ самыхъ первыхъ, вступилъ, какъ мы замѣтили раньше, и въ состав самаго Общества Попечительнаго о Тюрмахъ, избравшаго своимъ девизомъ тогда же слова Писанія: *Блаженъ разумѣвая нищца и убога* **).

Еще болѣе широкимъ и плодотворнымъ сдѣлалось участіе митрополита Филарета въ дѣлахъ частной и общественной благотворительности по вступленіи его (въ 1821 году) на святительскую кафедру въ первопрестольный градъ Москву, — сердце Россіи и главное средоточіе истинно русской благотворительности, ибо въ Москвѣ онъ, по самому положенію своему получалъ большіе денежные доходы, хотя и ни мало не домогался ихъ. Больно и обидно читать слѣдующія, на примѣръ строки раньше упомянутаго г. Арсеньева: «Я не слышалъ, чтобы Филаретъ помогалъ бѣднымъ изъ своего кошелька, хотя получалъ огромные доходы и имѣлъ уже скопленный значительный капиталъ» ***). По тѣмъ же причинамъ, какъ въ отношеніи къ Петербургскому періоду дѣятельности Филарета, мы и теперь не будемъ распространяться много о его частной благотворительности; но считаемъ справедливымъ и необходимымъ, въ виду сейчасъ приведенныхъ словъ г. Арсеньева, сказать хотя нѣсколько словъ объ этомъ. Если г. Арсеньевъ «не слышалъ, чтобы Филаретъ помогалъ бѣднымъ изъ своего кошелька», то другіе, ближе знавшіе и Филарета и дѣла его частной благотворительности, говорятъ совсѣмъ иное. «Кто изъ насъ не видалъ, — говоритъ одно изъ доселѣ здравствующихъ и давно живущихъ въ Москвѣ лицъ, близко знавшихъ дѣло, — что ежедневно, особенно въ день

*) Нѣкоторые случаи частной благотворительности Филарета можно видѣть въ упомянутыхъ нашихъ статьяхъ. Срав. ещ.: *Письма его къ родн.*, стр. 158.

***) Срав. *Письма м. Филар. къ родн.* стр. 167—168.

****) Тамъ же стр. 171. Срав. стр. 223, 235 и др. Срав. также наше изслѣдованіе „*О подвигахъ Филарета м. Моск. въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ*“ во II томѣ *Филаретовскаго Юбилейнаго сборника*, изданнаго Московскимъ Обществомъ любителей духовн. просвѣщенія въ 1883 году.

*****) Срав. обо всемъ этомъ въ *Собраніи мнѣній и отзыв. м. Филарета* I, 303 и дал., 330, 335, 347; II, 70; V, 903; доп. 410; *Правосл. Обзор.* 1867, XXIII, 166 дал. отд. „Изв. и замѣт.“ и др.

*) *Собр. мнѣн. и отзыв. м. Филар.* I, 451 и дал. Спб. 1885.

***) См. *Москов. Вѣдомости* 1819 г. № 86 въ концѣ сообщенія объ открытіи Общества Попечительнаго о тюрмахъ.

*****) *Историч. Вѣстникъ* 1887, № 4, стр. 71. 1

субботній, цѣлыя толпы нуждающихся и бѣдствующихъ окружали двери дома его и отъ щедротъ его получали вспоможенія? Кромѣ того, сколько бѣдныхъ отъ десницы его принимали благотворенія, о которыхъ не знала шуйца! Сколько совершенно дѣлѣ челоуѣколюбія и нищелоубія, которыя остались извѣстными только Богу» *)! Будучи вполне безкорыстенъ и нестяжателенъ, онъ не копилъ денегъ и вообще не любилъ, какъ самъ выражался, «заниматься денежными дѣлами» **). Еще будучи въ Петербургѣ, онъ писалъ: «беречь моему состоянію неприлично» ***), и послѣ, будучи въ Москвѣ, получая большіе доходы, никогда не занимался ихъ исчисленіемъ; относительно же получаемыхъ денежныхъ доходовъ перѣдко спрашивалъ съ недоумѣніемъ: «что это?» «откуда это?» и часто, не считая денегъ, отдавалъ ихъ просившимъ о помощи ****). «Раздаваніе милостыни всеневнымъ нищимъ и бѣдствующимъ совершалось у него, — говорить также хорошо знавшее его лицо, — непрестанно чрезъ довѣренныя лица. При особенныхъ случаяхъ, въ которыхъ нужна бывала помощь, всякое лицо извѣстное въ Востъ почившему владыкѣ, имѣло возможность обращать его вниманіе на нуждающагося и назначать даже мѣру жертвы, достаточной къ облегченію бѣдствія. Отказа никогда не было. На выражаемыя при сихъ случаяхъ опасенія стѣснить его, щедрый милостынераздатель отвѣтствовалъ: «это не мое; я поставленъ за тѣмъ, чтобы раздавать нуждающимся». И должно присокупить, что средства Московской каѣдры не могли быть предоставлены бо-

дѣе безкорыстному, болѣе милосердому, болѣе благодѣтельному распорядителю и раздаятелю» *). Не безъ основанія, конечно, его называли «другимъ Филаретомъ Милостивымъ» **). — Обращаясь теперь къ общественной благотворительности святи- теля Филарета за Московскій періодъ его архипастырства, мы видимъ его всегда въ числѣ первыхъ жертвователей на всякое доброе дѣло, на всякое благотворительное учрежденіе, а многія благотворительныя учрежденія Московской епархіи имѣли въ немъ и починъ свой или своего дѣятельнѣйшаго споспѣшника, устроителя. Таково, напри- мѣръ, Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, которое и самою организаціею своего первоначальнаго устройства (въ 1823 году) принадлежитъ святи- телю Филарету ***) и которое съ самаго начала своего учрежденія и до конца жизни владыки получало отъ него частыя и щедрыя пожертвованія, приносившія и приносящія облегченіе въ нуждѣ цѣлымъ тысячамъ бѣдныхъ вдовъ, сиротъ, немощныхъ и престарѣлыхъ лицъ этого званія. Часто владыка, совершивъ освященіе какой либо изъ Московскихъ церквей и получивъ отъ старосты церковнаго за освященіе въ даръ денежный пакетъ, не вскрывая пакета, на оборотной сторонѣ дѣлалъ надпись: «Въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія» ****). И сколько такимъ образомъ денегъ перешло чрезъ его руки въ Попечительство! Подобное же отношеніе имѣлъ милосердый владыка и къ другимъ благотворительнымъ учрежденіямъ Московской епархіи, каковы: Горихвостовскій домъ призрѣнія, Фила-

*) Слова о. протоіеря А. И. Соколова. См. въ II томѣ *Филаретов. Юбил. Сборника* стр. 41. Москва, 1883.

**) *Письма м. Филар. къ намѣстн. Серг. Лавры архим. Антонію II*, 463 — 464. Москва, 1878.

***) *Письма м. Филар. къ родн.* Стр. 207. Справ. стр. 197.

****) См. *Очеркъ жизнеописанія м. Филарета*, стр. 55 — 56. Москва, 1875. И только во время холеры 1847—1848 года владыка, на случай своей смерти, сдѣлалъ распоряженіе о небольшомъ денежномъ обезпеченіи (изъ своихъ доходовъ) своей родной матери съ ея потомствомъ, особенно же дѣвицъ изъ этого потомства, «какъ имѣющихъ болѣе нужды въ помощи», по его словамъ. См. его *Письма къ архим. Антонію II*, 378—379.

*) См. отд. оттискъ напечатанной въ № 1 *Душепол. Читенія* за 1868 г. статьи, подъ заглавіемъ: «Памяти Филарета, митрополита Московскаго», стр. 13. Статья не подписана, но она принадлежитъ перу покойнаго архіепископа Литовскаго Алексія († 1890). Многіе другіе случаи милосердія Филарета къ нищимъ и бѣдствующимъ указаны въ упомянутой выше вашей статьѣ: «Черты изъ житія св. праведнаго Филарета Милостиваго въ жизни Филарета, м. Московскаго».

**) См. *Чтенія въ Общ. люб. дух. просв.* за 1882 г., ч. III, стр. 171—172.

***) См. *Собраніе мѣтій и отзыв. м. Моск. Филарета*, II, 95—107. Сиб. 1885.

****) См. вышеупомянутую брошюру: «Памяти Филарета, митрополита Московскаго», стр. 10. А пакеты обыкновенно заключали въ себѣ сотни и даже тысячи рублей. Справ. тамъ же, стр. 11.

ретовское епархіальное женское училище для сиротъ-дѣвицъ духовнаго званія, и устроенное преимущественно на его иждивеніе, нищепитательница при Троицкой, близъ Троицкаго подворья, церкви и др. А сколько благотвореній получили отъ него духовно-учебныя заведенія Московской епархіи! Сколько пожертвованій шло отъ него и чрезъ него на разныя благотворительныя заведенія не духовнаго вѣдомства!— Но не ограничивалась благотворительность святителя только предѣлами Московской епархіи Она простиралась на всю, можно сказать, Россію и даже за предѣлы Россіи. Не говоря о томъ, что, на примѣръ, составленный имъ проектъ организаци Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія распространень своимъ дѣйствіемъ на всю Россію, не было ни одного болѣе или менѣе выдающагося благотворительнаго учрежденія или предпріятія, въ которомъ святитель Филаретъ не принялъ бы живаго, сердечнаго участія своею жертвою, благожеланіемъ, благимъ и мудрымъ совѣтомъ, который часто бывалъ дороже всякой денежной жертвы, своимъ сильнымъ, вліятельнымъ содѣйствіемъ и проч. Для этого достаточно указать на такіе случаи, какъ наводненіе въ Петербургѣ въ 1824 году, принесшее столько бѣдъ населенію сѣверной столицы, для облегченія которыхъ и Филаретъ посѣпшилъ съ своею щедрою жертвою, пожертвованія его на возстановленіе православія въ западно-русскомъ краѣ, на потребности восточной войны 1853—1856 годовъ, на бѣдствующихъ православныхъ христіанъ острова Крита (Кандіотовъ), на возстановленіе православія на Кавказѣ, въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ, на устроеніе православныхъ церквей въ Парижѣ, Нью-Йоркѣ, и т. д. Многіе дорожили его первою жертвою не въ виду количества жертвуемой суммы, а какъ благословеніемъ, залогомъ успѣха благому предпріятію *). Послѣ всего этого можно ли такъ смѣло утверждать то, что утверждалъ г. Арсеньевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ?» Вѣдь всѣ

эти дѣла общественной благотворительности у всѣхъ на виду. Ихъ не могъ скрыть и самъ святитель Филаретъ, хотя и желалъ бы, можетъ быть, сдѣлать это, какъ дѣлалъ съ большинствомъ дѣлъ частной своей благотворительности. Но перейдемъ къ благотворительному участію святителя Филарета собственно въ тюремномъ дѣлѣ.

Отношеніе митрополита Филарета къ Обществу попечительному о тюрьмахъ и его благотворительное участіе въ дѣлахъ этого Общества началось, какъ мы замѣтили раньше, съ самаго перваго момента открытія Общества въ 1819 году и тогда же онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ жертвователей въ пользу этого Общества, помогая ему и другими способами, особенно же своимъ всеобъемлющимъ умомъ и мудрымъ совѣтомъ, иначе сказать, духовно содѣйствуя его благу и успѣхамъ его благотворительной дѣятельности, что для Общества было, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣе, нежели денежныя пожертвованія. Такъ было во все время бытности президентомъ Общества министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, съ которымъ митрополитъ Филаретъ былъ въ тѣсныхъ духовныхъ добрыхъ отношеніяхъ до самой кончины князя (въ 1844 г.), которая душа была всегда открыта предъ митрополитомъ Филаретомъ *) и который, по отзыву послѣдняго, умѣлъ отдѣлять «въ дѣлѣ собственно церковное, не подлежащее свѣтскому сужденію» **). Князь А. Н. Голицынъ былъ первымъ президентомъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ и при немъ Общество сдѣлало быстрые успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ по достиженію ближайшей своей задачи и по исполненію главнѣйшихъ обязанностей его членовъ ***). Но въ 1824 году, какъ извѣстно, благодаря интригамъ не мно-

*) См. *Письма м. Филар. къ кн. С. М. Голицыну*, стр. 47. Москва, 1884.

**) *Письма м. Филар. къ архим. Антонію*, IV, 215. Москва, 1884.

***) Эти задачи и обязанности опредѣлены особыми Высочайше утвержденными правилами, которыя см. въ 1-мъ *Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи* т. XXXVI, № 27895. О быстротѣ же успѣховъ Общества въ президентствѣ князя Голицына см. въ книгѣ В. Н. Никитина: *Тюрьма и ссылка*, стр. 28 и дал. Спб. 1880.

*) См. Сушкова, *Записки о жизни и времени м. Филарета*, стр. 159—160. И здѣсь же можно видѣть подлинно успѣхъ одного изъ таковыхъ предпріяній.

гихъ лицъ, было произведено «возстаніе противъ министра духовныхъ дѣлъ» и народнаго просвѣщенія*), подготовленное еще раньше того извѣстною партією, избравшею своимъ орудіемъ сильнаго въ то время графа А. А. Аракчеева, генерала отъ артиллеріи, быть можетъ хорошо понимавшаго военное дѣло, но ничего не понимавшаго въ дѣлахъ духовныхъ. Духовное начало, введенное при князѣ А. Н. Голицынѣ и въ дѣйствія Общества попечительнаго о тюрьмахъ, сочтено было этою партією за начало безпорядка, вводимое въ дѣло, принадлежавшее вѣденію другихъ министерствъ, а отнюдь не министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія,—и вотъ, по видимому, законное основаніе для интриги противъ князя Голицына какъ президента Общества попечительнаго о тюрьмахъ. Въ 1822 году іюля 22 дня совершенно неожиданно и для Общества и для Комитета, какъ главнаго и ближайшаго органа этого Общества, князь Голицынъ получилъ увольненіе отъ званія его президента**) и президентомъ назначенъ былъ тогдашній государственный контролеръ тайный совѣтникъ баронъ В. В. Компенгаузенъ, одинъ изъ сподвижниковъ Аракчеева, который, вскорѣ же по принятіи этого званія, называлъ (въ письмѣ къ графу Аракчееву) членовъ означеннаго Общества, этихъ, по его выраженію, «вольныхъ филантроповъ»***)—«пестрымъ сборищемъ высокопарныхъ философовъ, чувствительныхъ филантроповъ, просвѣщенныхъ дамъ и

людей простодушныхъ») и сталъ дѣйствовать въ разрѣзъ съ первоначальными задачами и правилами дѣйствования Общества и Комитета; наконецъ рѣшили сзвать свободу дѣйствій Комитета составленными «Примѣчаніями о правильномъ дѣйствованіи Комитетовъ и о званіи президента». Противъ этихъ «Примѣчаній» возстали всѣ члены и въ томъ числѣ Филаретъ, архіепископъ Московскій, который, при открытіи засѣданія, назначеннаго для разсмотрѣнія этихъ «Примѣчаній», произнесъ слѣдующее: «Управление дѣлами Общества, яко благотворительнаго сословія, должно быть отеческое, основанное на взаимной, между членами, добренности, особенно въ отношеніи къ президенту и не стѣсняемо соблюденіемъ формъ, необходимыхъ въ мѣстахъ присутственныхъ: ибо формы могутъ охладить усердіе членовъ и любовь къ благотворному ихъ дѣлу. На семъ основаніи президентъ, въ засѣданіяхъ Комитета, дѣйствуетъ яко предсѣдатель, а внѣ Комитета—яко президентъ, къ которому относятся члены Общества, начальствующія и частныя лица, съ изъясненіемъ своихъ желаній и нуждъ, касающихся Общества. По симъ послѣднимъ отношеніямъ, президентъ можетъ употреблять благотворныя свои ходатайства и безъ предварительнаго свѣдѣнія Комитета, коль скоро очевидная польза, общее благо и нетерпящіе отлагательства случаи того требовать будутъ, на томъ именно основаніи, на какомъ дѣйствовалъ прежде бывший президентъ Общества»). Мнѣніе это единодушно было принято всѣми членами Комитета, который при семъ постановилъ также между прочимъ, что онъ (С.-Петербургскій Комитетъ) есть *главное* мѣсто, коему должны быть подвѣдомы всѣ прочіе мужскіе и женскіе Комитеты,

*) Выраженіе изъ относящагося къ 1857 году письма митрополита Московскаго Филарета, которому было очень памятно это „возстаніе“, такъ какъ и на его судьбу оно вліяло не благопріятно. См. это письмо въ *Собр. мн. и отзыв. м. Филар.* IV, 260. Москва, 1886. Срав. наше изслѣдованіе во II томѣ *Филаретовскаго Юбилейнаго Сборника*, стр. 261 и дал. Москва, 1883.

**) Комитетъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ, по полученіи этого печальнаго извѣстія, послѣдилъ особымъ постановленіемъ выразить князю Голицыну свою „глубочайшую признательность за благотворное, истинно отеческое поученіе и содѣйствіе къ открытію Общества, къ распространенію его полезной дѣятельности“, и проч. См. Никитина, упом. сочин., стр. 33.

***) Намекъ на названіе вольныхъ каменщиковъ (масоновъ), противъ которыхъ, какъ и противъ мистиковъ, также вела борьбу партія Аракчеева.

*) См. Никитина, упоман. соч. стр. 40.

**) Дорожа временемъ членовъ Комитета, по большей части людей занятыхъ разными должностями, князь Голицынъ просилъ ихъ „по отношенію къ нему не стѣсняться никакими формальностями, а являться къ нему за престо, во всякое время, говорить ему откровенно обо всѣхъ нуждахъ заключенныхъ, а если кто не застанетъ его дома,—записывать на бумагѣ свои заявленія, дабы онъ могъ безотлагательно исполнить все, отъ него зависящее“ (журн. 14 мая 1820 г.). См. Никитина, стр. 32.

что президентъ управляетъ Обществомъ сообразно установленнымъ для сего Общества правиламъ, что въ случаѣ своего разногласія съ Комитетомъ, онъ обязанъ довести до Высочайшаго свѣдѣнія и мнѣніе Комитета и проч. (журн. 24 августа 1823 г.). Баронъ Компенгаузенъ долженъ былъ на этотъ разъ уступить Комитету, зная, какъ высоко цѣнили Государь Императоръ, благостнѣйшій Монархъ, Александръ Павловичъ, благотворительную дѣятельность Комитета. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше и для Комитета вообще и для архіепископа Филарета какъ члена его въ частности было неудобствъ дѣйствовать въ пользу Общества съ тою же свободою, какъ было прежде, въ президентство князя Голицына. Къ тому же въ 1824 году палъ и покровитель его князь Голицынъ, а къ концу того же 1824 года интрига, свергшая князя Голицына, коснулась и Филарета: катихизисы его запретили къ употребленію и его самого до 1827 года не вызывали въ Св. Синодъ для участія въ вышемъ церковномъ управленіи. Впрочемъ Общество попечительное о тюрьмахъ, хотя и не безъ борьбы, однако продолжало не только существовать, но и по возможности болѣе и болѣе развивать свою дѣятельность. И Москва не осталась безучастною къ этой дѣятельности. Много пострадавшая отъ непріятеля въ 1812 году, но всегда сердобольная, она рано обратила свое сердоболіе и къ заключеннымъ въ тюрьмахъ. Уже въ 1817 году Государь Императоръ Александръ Павловичъ, осматривая остроги въ Имперіи и прилагая попеченіе о заключенныхъ въ нихъ, нашелъ Московскій острогъ лучшимъ изъ всѣхъ *). Въ 1820 году генераль-губернаторомъ Московскимъ назначенъ былъ князь Д. В. Голицынъ, челоѡкъ въ высшей степеніи благородный, дѣйствовавшій въ духѣ преданій лучшихъ временъ царствованія Императрицы Екатерины II, который, являясь въ полномъ величій власти, когда это бывало нужно, и пользуясь совершеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ обоихъ Государей (Императоровъ Александра Павловича и Николая

Павловича), при которыхъ служилъ генераль-губернаторомъ (до своей смерти въ 1844 году), въ то же время былъ доступенъ искреннимъ порывамъ любвеобильной снисходительности и чувства состраданія къ несчастнымъ. Поэтому онъ еще въ президентство князя А. Н. Голицына принималъ нѣкоторыя мѣры и къ облегченію участи заключенныхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1822 году продовольствіе заключенныхъ въ тюрьмахъ должниковъ, которое уже практиковалось въ Петербургскомъ Комитетѣ Общества попечительнаго о тюрьмахъ, онъ распространилъ и на Московку, съ согласія Государя Императора *); а затѣмъ, едва только благоустроилъ самую Москву, до него еще не успѣвшую оправиться отъ послѣдствій разоренія ея французами, посѣщилъ и открытъ въ ней отдѣленіе Общества попечительнаго о тюрьмахъ, каковое открытіе относится къ концу 1828 года. Къ этому времени, кѣтати сказать, съ одной стороны, и въ Петербургскомъ главномъ управленіи Общества поулеглись начавшіяся было съ 1822 года неурядицы, съ назначеніемъ (22 мая 1826 года уже при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ) президентомъ Общества генераль-адъютанта князя В. С. Трубецкаго, который отлично понималъ цѣль и значеніе Общества **), а съ другой и Филарету Московскому, возведенному въ 1826 году въ санъ митрополита, возвращено было полное довѣріе и уваженіе, нѣсколько поколебленное въ смутную эпоху интриги 1824 года.

Декабря 29 дня означеннаго 1828 года въ домѣ генераль-губернатора князя Д. В. Голицына состоялось открытіе Высочайше утвержденнаго Московскаго попечительнаго о тюрьмахъ Комитета. Князь Д. В. Голицынъ, въ качествѣ предѣдательствующаго вице-президента, открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью: «Давно чувствовалъ я, милостивые государи, необходимость лучшаго устройства тюремныхъ заведеній въ

*) См. тамъ же, т. XI, № 30515.

**) Онъ былъ президентомъ Общества до 1841 года, когда назначенъ былъ въ президенты графъ Бенкендорфъ (1841—1844), которому преемствовалъ выше упомянутый графъ (впослѣдствіи князь) А. Ѳ. Орловъ (1844—1855), а послѣ графа Орлова президентами были: графъ С. С. Ланской (1855—1861) и П. А. Валуевъ (1861—1867).

*) См. 1-е Полн. Собр. Законовъ т. XXXIV, № 27181.

здѣшней столицѣ посредствомъ Попечительнаго Комитета, существующаго нѣсколько уже лѣтъ въ Петербургѣ; но разныя обстоятельства не дозволяли мнѣ того исполнить. Коль же скоро представился мнѣ и удобный къ сему случай и я имѣлъ удовольствіе услышать ваши отзывы о желаніи и готовности вашей содѣйствовать мнѣ въ столь благотворительномъ дѣлѣ, то поспѣшилъ войти въ сношеніе по сему предмету съ г-мъ президентомъ С.-Петербургскаго Попечительнаго Комитета о тюрьмахъ, который извѣстилъ меня, что на всеподданнѣйшій докладъ его Всемилостивѣйшему Государю Императору, Его Величеству благоудно было изъявить Высочайшее свое соизволеніе на открытіе въ Москвѣ Попечительнаго Комитета о тюрьмахъ и утвердить списокъ членамъ оного. Съ помощію Божіею приступая нынѣ къ открытію сего Комитета, я въ душѣ моей увѣренъ, что отъ соединенія взаимныхъ трудовъ и усилій нашихъ произойдутъ плоды вождѣлнвѣйшіе, не только въ отношеніи къ обществу и нравственности, но и въ отношеніи къ самой религіи, и что, можетъ быть мы будемъ столько счастливы, что найдемъ между заключенными въ здѣшнихъ тюрьмахъ и такихъ, которые нашимъ попеченіемъ объ нихъ оправдаютъ ту великую истину, что *и змѣйшіе изъ преступниковъ не безнадежны къ исправленію* *). Затѣмъ членъ Комитета надворный совѣтникъ С. А. Маслоу (избранный въ томъ же засѣданіи въ секретари Комитета) прочиталъ, во первыхъ, отношеніе президента Общества князя В. С. Трубецкаго къ князю Д. В. Голицыну отъ 15 ноября 1828 года, коимъ президентъ, увѣдомляя князя Голицына о Высочайшемъ утвержденіи списка членовъ учреждаемаго въ Москвѣ Комитета, препроводилъ при семъ и Высочайше утвержденныя въ 1819 году Правила дѣйствованія въ руководство Комитету, обращающая особенное вниманіе послѣдняго на попеченіе объ исправленіи арестантовъ «въ нравственномъ отношеніи, а потомъ

на пользованіе ихъ, содержаніе и помѣщеніе», и, во вторыхъ, самый, Высочайше утвержденный, списокъ членовъ, въ числѣ коихъ вице-президентами Московскаго Комитета назначены митрополитъ Филаретъ, князь Д. В. Голицынъ и князь С. М. Голицынъ, а въ числѣ директоровъ значатся: оберъ-полицеймейстеръ Д. И. Шульгинъ, Ѳ. П. Гаазъ, А. И. Поль и др. Далѣе членъ (директоръ) Комитета С. С. Ланской *) прочиталъ Высочайше утвержденныя 19 іюля 1819 года правила Общества, и послѣ того приступлено было къ выбору должностныхъ лицъ, при чемъ секретаремъ, кромѣ упомянутаго С. А. Маслоу, избранъ былъ еще статскій совѣтникъ Юни, а казначеемъ первостатейный купецъ и кавалеръ П. М. Губинъ. Потомъ изъ членовъ Комитета образованы еще три подкомитета: 1) Комитетъ для раздѣленія содержащихся въ мѣстахъ заключенія по роду преступленій; 2) хозяйственный, на попеченіи котораго должно было быть содержаніе преступниковъ пищею и одеждою; 3) руководный, имѣвшій предметомъ своимъ введеніе между заключенными руководилъ и работъ разнаго рода. Общія засѣданія Комитета назначены въ зимніе и осенніе 7 мѣсяцевъ по 2 раза, а съ мая до октября по одному разу (въ мѣсяцъ). Мѣста заключенія, поступившія въ вѣдѣніе Московскаго попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, списокъ коихъ также былъ прочитанъ (С. А. Маслоу) на первомъ засѣданіи, были слѣдующія: 1) Тюремный замокъ (у Вутырской заставы); 2) Временная тюрьма; 3) Особый пересыльный замокъ близъ Суцевской части; 4) помѣщеніе для пересыльныхъ въ Покровскихъ казармахъ; 5) Смирительный и рабочій дома; 6) Больница на Воробьевыхъ горахъ и 7) арестантскія отдѣленія при двадцати частяхъ города **). Конечно, прежде всего, по открытіи Комитета, была нужда въ жертвованіяхъ на новое дѣло благотворительности, и они не замедлили своимъ поступленіемъ: въ короткое время жертвованы были значительныя суммы и

*) *Москов. Вѣдомости* 1829 г., № 11 (отъ 6 февраля). Срав. записку В. Вешинга, приложенію къ правиламъ Высочайше утвержденнымъ 19 іюля 1819 года, въ 1-мъ *Полн. Собр. Закоп.* т. XXXVI, № 27895.

*) Тотъ самый, который въ 1855—1861 годахъ былъ президентомъ Общества.

**) *Москов. Вѣдомости* 1829 г., № 11.

заявленія о постоянныхъ пожертвованіяхъ *). Но съ первыхъ же дней по открытіи Комитета, какъ само собою понятно, наступила пора и для тѣхъ видовъ дѣятельности его, которые опредѣлялись Высочайше утвержденными раньше того правилами. Въ этой-то дѣятельности извѣстная и, какъ увидимъ, весьма значительная доля участія принадлежала и митрополиту Филарету, при томъ—участія, вліявшаго и на центральное (С.-Петербургское) управленіе дѣлами Общества.

Во время открытія въ Москвѣ попечительнаго о тюрьмахъ Комитета митрополитъ Филаретъ отсутствовалъ изъ Москвы, находясь съ октября 1828 и по май 1829 года въ Петербургѣ, бывъ вызванъ туда для участія въ засѣданіяхъ Св. Синода, и потому на первыхъ порахъ не могъ принимать близкаго участія въ занятіяхъ Московскаго Комитета. Но дѣло это слишкомъ близко было его сердцу, чтобы онъ долго оставался ему чуждымъ и онъ вкорѣ же по возвращеніи изъ Петербурга, а отчасти и изъ Петербурга, заочно, началъ свою въ Комитетѣ дѣятельность. Такъ еще по поводу самаго перваго засѣданія Московскаго Общества попечительнаго о тюрьмахъ, бывшаго, какъ мы знаемъ, 29 декабря 1828 года, на которое, за отсутствіемъ митрополита Филарета, приглашенъ былъ генераль-губернаторомъ викарій его, епископъ Дмитровскій Иннокентій (Сельно-Криновъ), безъ согласія владыки не рѣшившейся ѣхать на засѣданіе, митрополитъ Филаретъ отъ 1 января 1829 года писалъ Иннокентію: «Или я заставляю Васъ слишкомъ быть осторожнымъ, или Вы таковы сами. Какая бѣда принять Вамъ вмѣсто меня участіе въ дѣлѣ Тюремнаго Общества, въ которое и при мнѣ пригласить Васъ было бы не лишнее? Дѣло тутъ не о старшинствѣ и обрядахъ, а о человѣколюбіи. Возвращаю отношеніе князя **), сдѣлавъ надпись, на которой Вы можете опереться, если то Вамъ нужно, и отъ которой я не могу отпереться, если Вы то о боитесь. Надѣюсь, догадаетесь, что пишу сіе, я улыбаюсь,

а не морщусь» *). Такъ какъ митрополитъ былъ однимъ изъ вице-президентовъ Тюремнаго Комитета, то засѣданія у нихъ бывали по очереди и по удобствамъ, а то бывали въ засѣданіяхъ и всѣ вице-президенты или двое, смотря по важности дѣлъ подлежащихъ обсужденію или по другимъ обстоятельствамъ. Митрополитъ Филаретъ, когда бывалъ въ Петербургѣ для участія въ дѣлахъ Синодальнаго управленія, то, согласно приведеннымъ словамъ письма къ епископу Иннокентію, поручалъ викарію быть вмѣсто него въ засѣданіяхъ Комитета, а когда былъ въ Москвѣ, то обыкновенно самъ бывалъ на этихъ засѣданіяхъ и только въ крайнихъ случаяхъ (болѣзни, экзаменовъ и под.) поручалъ быть на нихъ викаріямъ своимъ **). Его дѣятельность по Тюремному Комитету, при множествѣ другихъ, лежащихъ на немъ обязанностей и возлагаемыхъ на него высшею властію порученій, конечно, не могла быть такъ широка и сосредоточена какою могла быть и была дѣятельность Ѡ. П. Гааза. Тѣмъ не менѣе все же эта дѣятельность изумительно широка и много объемлюща и при томъ всюду была запечатлѣна участіемъ не только гениальнаго ума его, свѣтлѣвшаго во всемъ, но и сѣрѣвшаго истинною христіанскою любовію къ несчастнымъ сердца.

Чтобы понять все значеніе дѣятельности митрополита Филарета по Тюремному Комитету, мы прежде всего обратимъ вниманіе на то, какъ смотрѣлъ онъ на основныя задачи, цѣль Общества попечительнаго о тюрьмахъ и какой, сообразно этому, смыслъ соединялъ съ дѣломъ организациі его. Изъ вышеизложеннаго мы уже отчасти и видѣли это. Сдѣлаемъ теперь это съ большею обстоятельностью.

Изъ предшествующаго мы видѣли, что на дѣло Общества попечительнаго о тюрь-

*) Приб. къ *Твор. Св. Отц.* 1872, XXV, 182.

**) См. тамъ же, напр., стр. 457, 458. При этомъ викарія онъ считалъ постояннымъ членомъ Тюремнаго Комитета. См. тамъ же, стр. 567—568. Срав. также *Письма м. Филар. къ А. Н. Муравьеву*, стр. 35, Кіевъ, 1869; *Письма его же къ архим. Антонію*, III, 413, Москва, 1883; *Письма его же къ кн. С. М. Голицыну*, стр. 102, Москва, 1884 г.; *Письма его же къ архистр. Леониду*, стр. 66, 74 и др. Москва, 1883.

*) Тамъ же, № 30.

**) Д. В. Голицына, генераль-губернатора.

махъ митрополитъ Филаретъ смотрѣлъ, какъ на дѣло чловѣколюбія и потому-то успѣшилъ съ самаго начала существованія его примкнуть къ нему, а на организацію его смотрѣлъ, какъ на свободное соединеніе людей, желающихъ споспѣшествовать этому дѣлу чловѣколюбія и потому-то въ 1823 году такъ смѣло противостала попытка барона Компенгаузена связать формальностями это дѣло свободного чловѣколюбія. Въ согласіи съ этимъ взглядомъ и шире развивалъ свои мысли о томъ Филаретъ въ различныхъ случаяхъ и по разнымъ обстоятельствамъ, касаясь такъ или иначе самой исторіи Общества и Комитетовъ,—центрального Петербургскаго и Московскаго собственно. Такъ, когда въ 1841 году, по смерти упомянутого выше князя В. С. Трубецкаго (+ 27 февр. 1841), президентомъ Тюремнаго Общества былъ Высочайше назначенъ извѣстный своею близостію къ Государю Императору шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ графъ А. Х. Бенкендорфъ, извѣстившій о своемъ назначеніи между прочимъ и Московскаго митрополита Филарета, послѣдній отвѣчалъ на это извѣщеніе слѣдующимъ письмомъ отъ 4 марта того же 1841 года: «Сіятедьнѣйшій графъ, милостивый государь! Примите признательнѣйшую благодарность мою за благосклонное отношеніе съ извѣщеніемъ о Высочайшей волѣ, облекшей васъ званіемъ президента Общества попечительнаго о тюрьмахъ. Поздравляю Общество съ пріобрѣтеніемъ представителя, котораго чловѣколюбивыя чувствованія общаются дѣйствіямъ Общества новое одушевленіе, а близкое предстоаніе престолу чловѣколюбивѣйшаго Монарха обнадеживаетъ могущественнымъ покровительствомъ Смиренно молю Верховнаго Чловѣколюбца Бога, да поможетъ вашему сіятельству, при усердномъ содѣйствіи членовъ Общества, обратить мѣста заключенія въ нравственныя врачевницы душъ, узавленныхъ порокомъ или преступленіемъ.—Что касается до моего въ дѣлахъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ участія, на которое ваше сіятельство благосклонно обращаете вниманіе, — не могли приписывать оному никакой значительности, могу только сказать, что въ занятіяхъ Московскаго отдѣленія, во

время нахождения моего въ Москвѣ, охотно принимаю посильное участіе, утѣшительное для меня по добродушному усердію членовъ къ дѣлу чловѣколюбія. Петербургскій же Комитетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ меня не употреблялъ, и мнѣ о дѣйствіяхъ его извѣстно только то, что представляютъ отчеты. Въ дѣлѣ, столь сообразномъ съ духомъ христіанскаго чловѣколюбія, продолжаемомъ подъ руководствомъ вашего сіятельства, принимать по возможности участіе, приятнымъ поставляю себѣ долгомъ*). Но не долго, къ сожалѣнію, митрополитъ Филаретъ могъ принимать непосредственное участіе въ занятіяхъ Петербургскаго Комитета, которое, конечно, могло имѣть мѣсто лишь тогда, когда онъ вызываемъ былъ въ Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ Св. Синода. Въ 1842 году онъ въ маѣ возвратился въ Москву изъ Петербурга и съ тѣхъ поръ уже не вызываемъ былъ снова въ Петербургъ. За то въ Московскомъ отдѣленіи Тюремнаго Общества владыка Филаретъ продолжалъ принимать, по прежнему, горячее участіе, не упуская изъ виду впрочемъ и дѣйствій Петербургскаго центрального Комитета, не смотря на то, что и само Общество по времени стало какъ-то холоднѣе къ дѣлу, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Въ эпоху реформъ всякаго рода, именно въ 1860 годахъ, когда президентомъ Тюремнаго Общества былъ статсъ-секретарь П. А. Валуевъ (впослѣдствіи графъ), послѣдній, имѣя въ виду измѣненіе нѣкоторыхъ §§ Устава Общества, счелъ нужнымъ обратиться за мнѣніемъ о семъ къ Московскому митрополиту Филарету, первоначально провести мысль объ этомъ измѣненіи въ С.-Петербургскомъ, центральномъ Комитетѣ. Митрополитъ Филаретъ въ 1862 году**) представилъ свое о томъ мнѣніе слѣдующаго содержания: «Въ журналѣ Петербургскаго Комитета Общества попечительнаго о тюрьмахъ 21 ноября 1861 года изложены слѣдующія

*) См. въ *Душеп. Чтеніи* 1879 г. ч. II, стр. 124.

**) По нѣкоторымъ, не безъосновательнымъ, какъ вамъ кажется, соображеніямъ, ниже указываемымъ, относимъ это мнѣніе къ 1862-му, а не къ 1861 году, какъ оно отнесено въ напечатанномъ недовно видѣ. Цѣ ату см. въ концѣ.

предположенія: 1) расширить кругъ занятій арестантовъ; 2) сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ организаціи Общества. Сей второй предметъ, какъ важнѣйшій, требуетъ преимущественнаго вниманія. Для разсужденія о измѣненіяхъ въ организаціи Общества, нужно обратить вниманіе на его начало и первоначальное образованіе, при Императорѣ Александрѣ первомъ. Попечительное о тюрьмахъ Общество есть соединеніе людей для улучшенія нравственности арестантовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ для улучшенія матеріальнаго быта ихъ, составляющееся по доброй волѣ каждаго вступающаго въ оное, изъ любви къ ближнему. Изъ сего слѣдуетъ, что никто не имѣетъ права заставить кого либо быть, или перестать быть членомъ сего Общества, кромѣ того случая, когда само Общество найдетъ нужнымъ удалить изъ среды себя кого либо за нарушеніе своихъ правилъ. Въ Общество входятъ два разряда людей: 1) *члены Общества*, которые приняли на себя обязанность вносить на предметъ дѣятельности его ежегодно сумму, ими самими опредѣленную *); 2) *благотворители Общества*, внесшіе какую либо сумму, или дающіе пособіе, одновременно. Члены имѣютъ право голоса въ собраніяхъ Общества; а благотворители только право присутствовать въ оныхъ. Какъ Общество можетъ имѣть множество членовъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, и потому всею своею массою дѣйствовать для своей цѣли не можетъ: то оно изъ среды себя избираетъ Комитетъ, которому ввѣряетъ свое управленіе, и производство дѣлъ своихъ. Для порядка и раздѣленія трудовъ Комитетъ имѣетъ слѣдующую организацію: 1) президентъ (Общества и Комитета) или, есть ли угодно, *председатель*, начальствующій блюстителемъ порядка и двигателемъ дѣлъ; 2) вице-президентъ, или *сопредседатель*, для раздѣленія трудовъ съ президентомъ, и для замѣны его въ собраніяхъ, въ случаѣ отсутствія его; 3) директоры, или члены сотрудники, для посѣщенія и назиданія арестантовъ, для

занятія ихъ трудомъ, для хозяйственнаго о нихъ попеченія, и проч.; 4) казначей, одинъ изъ директоровъ; 5) экономъ, также одинъ изъ директоровъ; 6) секретарь, для производства письменныхъ дѣлъ. Чтобы отдѣлить дѣйствователей по челоувѣколюбію, положено было, чтобы секретарь директоръ не получалъ жалованья, какъ и прочіе члены Комитета; а служащій на жалованьи не имѣлъ права называться директоромъ или членомъ Комитета. Такъ вначалѣ организовалось Общество; и оно имѣло множество членовъ Общества и благотворителей Общества и изъ большаго числа членовъ Общества такое число членовъ Комитета, какое достаточно было бы, по раздѣленіи между ими трудовъ, для исполненія всего, чего требуетъ попеченіе о арестантахъ. Въ образѣ дѣйствованія соблюдалась простота, основанная на взаимномъ довѣрїи дѣйствующихъ, не стѣсненная формами. Это располагало челоувѣколюбивыхъ людей ко вступленію въ Общество и въ Комитетъ и къ дѣйствованію съ свободнымъ усердіемъ. Президентъ не имѣлъ особой канцелярїи *). Членамъ Комитета даваемы были листы, въ которые члены и благотворители Общества вписывали свои приношенія. Постепенно составлялись капиталы, которые не только удовлетворяли современнымъ потребностямъ, но и образовали значительные запасы. Первый счастливый періодъ жизни Общества началъ измѣняться съ перемѣною перваго президента. Больше стали разсуждать о формахъ: одушевленіе членовъ стало уменьшаться. Члены и благотворители Общества прїобрѣтаемы были уже не въ такомъ, какъ прежде, обилии. По времени нужнымъ оказалось, въ нарушеніе первоначальныхъ правилъ **), нѣкоторымъ чле-

*) Членскій взносъ простирался отъ 10 до 15 рублей, смотря по тому, въ провинціальномъ ли городѣ составлялся Комитетъ или въ одномъ изъ столичныхъ.

*) Рѣчь здѣсь, конечно, о временахъ (1819 — 1822) президентства князя А. Н. Голицына. И такъ какъ дѣло имѣло все же болѣе свѣтскій, нежели духовный характеръ по самымъ отношеніямъ къ заключеннымъ, то не страннымъ представлялось и то, что здѣсь, подобно какъ и въ Библейскомъ Обществѣ, при свѣтскомъ президентѣ, вице-президентами могли быть не только свѣтскія, но и духовныя лица. Срав. о семъ *Письма м. Филар. къ архим. Антонію*, ч. IV, стр. 142. Москва, 1884.

**) Надобно замѣтить, что первоначальныя правила эти, т. е. правила 1819 года, прежде Высо-

намъ Комитета назначить денежное пособие. Седьмое изъ Высочайше утвержденныхъ первоначальныхъ правилъ Общества говоритъ, что Общество можетъ дѣлать перемѣны въ своихъ постановленіяхъ не иначе, какъ съ согласія генеральнаго собранія. Въ нарушение сего правила, при покойномъ президентѣ, цѣлый новый уставъ Общества вновь составленъ былъ такъ, что не только не требовано согласія генеральнаго собранія, но и Комитетъ Московскій не былъ приглашенъ къ совѣщанію о семъ, и изъ суммъ сего Комитета, безъ его согласія, назначенъ участокъ въ пользу Петербургской канцеляріи президента *). Сей уставъ болѣе прежняго связалъ Комитеты бюрократическими формами, и для Московскаго Комитета имѣлъ ближайшимъ послѣдствіемъ то, что сей лишился нѣкоторыхъ многолѣтнихъ полезныхъ своихъ членовъ.— Вступающимъ въ Комитетъ членамъ даются и нынѣ листы, въ которые члены и благотворители вписывали бы свои приношенія: но уже давно не видно, чтобы кто принесъ такой листъ въ Комитетъ съ новыми подписями приношеній. Общество сохраняетъ нынѣ кости: но онѣ уже не облечены тѣломъ. То есть, оно имѣетъ Комитеты, но около ихъ не видно множества членовъ Общества и благотворителей **).— Сіе воззрѣніе на прошедшее и настоящее Общества нужно имѣть въ соображеніи при разсужденіи о предположеніяхъ для будущаго. Предполагается не имѣть вице-президентовъ, а председателя Комитета. Не нужно прекословить

чайшаго утвержденія, нѣсколько разъ исправлялъ своею рукою самъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, и этими правилами собственно не полагаемъ былъ размѣръ членскаго взноса (см. прав. IV); этотъ размѣръ определенъ былъ уже позднѣйшимъ уставомъ (1851 года).

*) Здѣсь разумѣется бывшій съ 1844 по 1855 годъ президентомъ графъ (впослѣдствіи князь) А. Ѳ. Орловъ, при которомъ въ 1851 году и вышелъ здѣсь же упоминаемый новый Высочайше утвержденный 7 ноября сего (1851) года уставъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ (см. 2-е Полн. Собр. Законовъ т. XXVI, № 25,725). А такъ какъ графъ Орловъ, называемый здѣсь „покойнымъ“, умеръ въ 1862 году, то мы и относимъ настоящее мнѣніе м. Филарета къ 1862 году.

**) Срав. ту же мысль у м. Филарета въ *Собр. мн. и отвѣт.* IV, 285. Мо кза, 1886 и въ *Письма* его къ архим. Антонію IV, 60.

предпочтенію русскаго названія предъ иностраннымъ. Полагается, чтобы въ случаѣ отсутствія председателя, мѣсто его занималъ другой членъ по избранію Комитета. Итакъ, каждое засѣданіе надобно будетъ начинать выборомъ и иногда раздумьемъ членовъ, кого предпочесть, и кто первый произнесетъ имя избираемаго для председательствованія. Кажется, удобнѣе, чтобы былъ постоянно готовый *сопредседатель* или *вмѣстопредседатель*. Для разграниченія вице-президентовъ и директоровъ есть основаніе, какъ выше показано. Впрочемъ, есть ли не угодно названіе директоровъ: можетъ остаться только названіе членовъ Комитета.— Въ журналѣ С.-Петербургскаго Комитета выражается большое затрудненіе отъ того, что вице-президентовъ мало. Сему можно противопоставить иное затрудненіе. Теперь въ Москвѣ четыре вице-президента, всѣ много занятые дѣлами своей службы: однако, чередуясь, они находятъ время быть хотя по одному въ засѣданіяхъ Комитета. Вмѣсто сего предполагается одинъ председатель. Удобнѣе ли найти такъ свободнаго председателя, чтобы онъ могъ быть въ каждомъ засѣданіи Комитета, съ полнымъ вниманіемъ, и одинъ дѣлать всѣ распоряженія и производить всѣ сношенія по дѣламъ Комитета *).— Предполагается отмѣнить обязательное соединеніе званія члена Комитета съ нѣкоторыми должностями государственной службы. Не трудно съ симъ согласиться. Это будетъ возвращеніе къ первоначальному устройству Общества изъ членовъ добровольныхъ. Но нельзя признать присутствіе должностныхъ лицъ въ Комитетѣ ненужнымъ или бесполезнымъ. Напримѣръ, членъ-по-

*) Московскій Комитетъ въ 1865 году упросилъ митрополита Филарета быть его непремѣннымъ председателемъ, и святитель, не смотря на глубокую старость свою, образцово велъ дѣло, какъ о томъ за видѣтельствовалъ въ 1867 году самъ же Комитетъ (см. *Правосл. Обзор.* 1867, XXIII, 168 „Изв. и Замѣт.“); но въ томъ же году, за болѣзненностью своею, отказался отъ непремѣннаго председательствованія въ Комитетѣ, поблагодаривъ членовъ за ихъ содѣйствіе ему и пожелавъ молитвенно, „да продолжитъ (Богъ) въ обществѣ одушевленіе христіанскимъ человеколюбіемъ, къ облегченію бѣдствующихъ и къ извлеченію погруженныхъ во мракъ порока въ свѣтъ истины и добродѣтели“ См. *Душев. Читен.* 1881, II, 470.

сѣтителъ тюрьмы замѣчаетъ арестанта долго остающагося въ тюрьмѣ, безъ свѣдѣній о своемъ дѣлѣ: въ такомъ случаѣ членъ посѣтителъ съ особенною удобностію можетъ сказать слово или дать записку председателю Палаты, въ которой дѣло, какъ своему сотоварищу по Комитету, и такое напоминаніе можетъ послужить противъ замедленія въ дѣлѣ. — Предполагается «раздѣлить членовъ Комитета на три рода: на членовъ благотворителей, дѣйствительныхъ членовъ и почетныхъ членовъ». Изъ сего видно, что широкая идея Общества брошена; и остается только тѣсная идея Комитета. Но по какому убѣжденію, не видно. — Не представляется сообразнымъ то, что благотворитель называется членомъ Комитета, тогда какъ онъ въ дѣлахъ Комитета не участвуетъ, а только даетъ деньги. — Не ясно, какое отношеніе къ Комитету имѣть будутъ почетные члены, и какая отъ нихъ польза. — Отъ членовъ - благотворителей требуется 100 р. ежегодно. Противъ сего могутъ быть представлены слѣдующія возраженія: 1) Почему отвергнуть того, кто можетъ, или хочетъ дать только 10 р. или даже рубль? 2) Неприятно сказать человѣку: будь благотворителемъ, и для того положи на себя налогъ не меньше 100 р. 3) Нынѣ время не богатое. Найдется ли довольно сторублевыхъ благотворителей? — Дѣйствительныхъ членовъ Комитета полагается освободить отъ ежегоднаго денежнаго взноса. Не представляется въ семь нужды, если не будетъ опредѣлена мѣра взноса. Внести два или три рубля едва ли кто затруднится. При томъ въ Обществѣ, добровольно составившемся, чѣмъ больше единообразія, чѣмъ меньше привилегій у одного члена предъ другимъ: тѣмъ лучше. Въ журналѣ Петербургскаго Комитета положено, что дѣйствительный членъ не имѣетъ права отказатся отъ одной изъ частей управленія или надзора, на него возлагаемой. Сіе правило, постановляемое такъ строго и безысключительно, можетъ устрашать и не допускать до вступленія въ члены Комитета. — Что по мнѣнію Петербургскаго Комитета, новое раздѣленіе членовъ будетъ имѣть особенную пользу, въ семь не представляется убѣжденія. И по первоначальному положенію

Общества, и по нынѣшнему положенію Комитета, каждый можетъ опредѣлить, какого рода участіе можетъ онъ принять въ дѣлахъ Комитета; и Комитетъ видить въ членахъ сотрудниковъ. Напротивъ того, по новому предположенію, не каждый можетъ опредѣлить, какое достанется ему участіе въ дѣлахъ Комитета: ибо дѣйствительный членъ назначеніе ему дѣла долженъ безотговорочно принять отъ Комитета; и такимъ образомъ, на примѣръ, назначающій себя въ посѣтители тюрьмы можетъ очутиться казначеемъ. Предположеніе, чтобы эконоомъ былъ изъ членовъ Комитета, и служилъ безмездно, согласно съ первоначальнымъ положеніемъ Общества: но едва ли удобоисполнимо съ тѣхъ поръ, какъ Комитетъ сдѣлался посредникомъ Правительства въ содержаніи арестантовъ *). Должность эконома сдѣлалась такъ многодѣльна, что едва ли удобно найти для нея безмезднаго труженика. — Комитетъ изволить усмотрѣть, что сказанное въ сей запискѣ не есть собственнo мнѣніе, а только совокупность предварительныхъ свѣдѣній и соображеній, служащихъ къ удобству для Комитета обсудить предметъ и положить свое мнѣніе. — Комитетъ, конечно, не оставитъ безъ вниманія и того, что окончательное разрѣшеніе поднятыхъ вопросовъ, по первоначальному закону Общества, принадлежитъ генеральному собранію членовъ его, или, есть ли сіе не удобно, по крайней мѣрѣ такому собранію, которое приближалось бы къ достоинству и силѣ генеральнаго. Можетъ быть, разсмотрѣніе многихъ вопросовъ приведетъ къ одному не маловажному: не должно-ли Попечительное о Тюремахъ Общество лучше всего стараться о томъ, чтобы совершеннѣе возвратиться къ своему первоначальному устройству, и чтобы члены Комитетовъ, на недостаточную дѣятельность которыхъ жалуется Петербургскій Комитетъ, съ усиленною ревностію употребили себя для благотворительныхъ дѣлъ Общества и для пріобрѣтенія ему новыхъ подобныхъ членовъ? **) Таковъ былъ взглядъ

*) Это состоялось въ 1843 году. См. 2-е Полн. Собр. Закон. XVIII т. № 17068. Сп. § 1 Устава 1851 года въ т. XXVI, № 25725.

**) Далѣе въ запискѣ митроп. Фларета слѣдуетъ разсмотрѣніе новыхъ предположеній о занятіяхъ

митрополита Филарета на цѣль учрежденія, на задачи и организацію Общества попечительнаго о тюрьмахъ. И дѣйствительно, первоначальное устройство этого Общества, по правиламъ 1819 года, редакціи которыхъ не чуждъ былъ и самъ митрополитъ Филаретъ, а окончательная редакция которыхъ вышла изъ рукъ благодѣйшаго и просвѣщеннѣйшаго Монарха, Императора Александра Павловича, ближе стояло къ идеѣ христіанскаго человѣколюбія, положенной въ его основу, нежели позднѣйшая его организація. Оно еще не было связано тѣми бюрократическими формами, какими опутано было впоследствии, и сохраняло истинный типъ благотворительнаго, а не казеннаго, учрежденія, хотя, какъ видно изъ тѣхъ же правилъ, не упускало изъ вниманія и казенную, правительственную сторону дѣла, по соприкосновенію предметовъ, соблюдало интересы и правительства. Но все-таки ближе всего, въ виду своей главной, благотворительной цѣли, смотрѣло на мѣста заключенія не какъ на казенныя для себя учрежденія, а какъ на «нравственныя врачевницы душъ, уязвленныхъ порокомъ или преступленіемъ», выражаясь словами митрополита Филарета. И такъ какъ порокомъ или преступленіемъ уязвляются не одни только мужчины, но и женщины, иначе сказать, такъ какъ въ мѣстахъ заключенія и бывали и бываютъ не только арестанты, но и арестантки, то съ тою же благотворительною цѣлію и на тѣхъ же основаніяхъ правилъ 1819 года, одновременно съ мужскимъ Комитетомъ Попечительнаго о тюрьмахъ Общества въ Петербургѣ организовался, также добровольно и дамскій Комитетъ того же Общества *). Въ Москвѣ дамскій Комитетъ организовался гораздо позже, нежели мужской, именно въ 1840-хъ годахъ **).

арестантовъ, котораго мы коснемся послѣ. Эта записка напечатана въ приложеніи къ *Алфавитному указателю къ собр. мѣній и отзывовъ м. Филарета* и проч. стр. 38—44. Спб. 1891. Мы имѣли подъ руками ея списокъ, вышедшій изъ канцеляріи м. Филарета и хранящійся между бумагами архива прот. А. В. Горскаго въ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи.

*) См. *Москов. Видом.* 1819 г. № 86.

**) По крайней мѣрѣ, когда въ 1843 году совершаемо было освященіе церкви Пресвятыя Бо-

цею его здѣсь была обыкновенно супруга Московскаго генераль-губернатора, а членами многія дамы высшаго Общества, ревностно относившіяся къ своимъ новымъ обязанностямъ. И вотъ между прочимъ къ одному изъ такихъ членовъ, Е. С. Наумовой, ревность которой по Тюремному Комитету должно быть иногда бывала «не по разуму» и перешла за предѣлы круга обязанностей членскихъ, митрополитъ Филаретъ отъ 11 марта 1849 года писалъ слѣдующее: «Всякій человѣкъ по мѣрѣ силъ и принятой обязанности долженъ назначать себѣ предѣлы дѣйствованія и не переходить ихъ безъ нужды. Такъ сохраняются силы въ дѣйствованіи, и дѣло идетъ лучше, нежели когда хотять гнаться за двумя зайцами вдругъ. Члены мужскаго и женскаго Комитетовъ Общества попечительнаго о тюрьмахъ должны дѣйствовать каждый въ своемъ кругу. Если бы такъ поступили вы, и не перешли въ чужой предѣлъ: меньше бы видѣли и слышали тяжкаго и удобнѣе сохранили бы твердость и силу духа, для дѣйствованія въ своемъ кругѣ. Неудача въ предпріятіи излишняго не ведетъ къ заключенію, что должно бросать все. Безуспѣшность предложенія надѣтъ лапти для смиренія можно было предвидѣть заранѣе, и не нужно было сего требовать. Надобно смиреніемъ утишать сердце, а не обувать ноги. Впрочемъ, есть ли вамъ не по силамъ темничныи трудъ: вы не въ неволѣ; можете оставить его, особенно если сіе нужно для сохраненія остатковъ здоровья, которое беречь есть обязанность. Что грѣшниковъ, которыхъ надлежало бы не допускать, допускаютъ до святаго причастія предъ наказаніемъ, сіе основывается на предположеніи, что наказаніе соединено болѣе или менѣе съ опасностію жизни, а когда предвидится близкая смерть, тогда, по правиламъ, должно допустить всякаго грѣшника. Возвратясь къ жизни, онъ возвратится къ епитиміи. О смотрительницѣ въ Комитетѣ предложено не было: и на-

городица, Взискательница погибшихъ, въ замѣкъ пересѣльныхъ арестантовъ, то на этомъ освященіи присутствовали и нѣкоторые изъ членовъ „вновь учрежденнаго“ Дамскаго Тюремнаго Комитета. См. *Москов. Видом.* 1844, № 3.

добно было поступить по правилу, которое написано выше. О помѣщеніи дочери ей надобно написать особую Записку, по которой бы можно было дѣйствовать. Предостеречь отъ злоупотребленія и соблзана есть дѣло доброе и заслуживающее благодарность всегда, а не при извѣстномъ только случаѣ. О людяхъ разумныхъ и заслуживающихъ уваженіе не должно думать, что они могутъ имѣть нелѣпое и баснословное опасеніе. Надобно о ближнихъ думать, какъ можно лучше, а о себѣ, какъ можно ниже: тогда можетъ человекъ быть спокоенъ» *). И когда вскорѣ послѣ этого Е. С. Наумова и вышла изъ членовъ дамскаго Тюрмнаго Комитета, то митрополитъ Филаретъ отъ 23 іюля 1850 года писалъ ей: «По тюрьмѣ, когда могли, и сколько могли, вы дѣйствовали; и не пропадетъ сіе предъ Богомъ. Когда не можете: предоставьте все волѣ Божіей и человеклюбію другихъ» **).

Самъ митрополитъ Филаретъ, въ видахъ достиженія цѣли и осуществленія задачъ тюрмнаго Общества, не смотря на множество другихъ занятій, дѣйствовалъ, какъ мы и замѣчали раньше, весьма многосторонне и энергически во все время бытности своей его вице-президентомъ, обнаруживая въ ней при томъ, какъ мы тогда же замѣчали, не только гениальный умъ, но и любвеобильное сердце. Такъ, кромѣ многочисленныхъ пожертвованій отъ себя и отъ другихъ на благо дѣла Общества, онъ, хотя былъ и лицомъ духовнаго сана и слѣдовательно имѣлъ свой кругъ дѣятельности по Обществу, за предѣлы котораго старался, по возможности, не выступать (какъ училъ и другихъ тому же), не чуждъ былъ и хозяйственной и общедминистративной стороны его дѣятельности, чаще всего впрочемъ вызываемый на то или сторонними обстоятельствами и лицами или обязанностями вице-

президента. Въ концѣ 1847 года, напримѣръ, упомянутокъ недавно Е. С. Наумовой онъ вызванъ былъ на слѣдующія слова письма къ ней, отъ 30 декабря: «Есть ли тюрьма худя: надобно молиться о ея исправленіи, и отъ молитвы не сдѣлается человекъ больнымъ, а можетъ сіе случиться отъ скорби, соединенной съ терпѣливостію. Надобно призвать терпѣніе, а о прекращеніи поводовъ къ злоупотребленіямъ сказать кому слѣдуетъ» *); и отъ 31 декабря: «Есть ли врачи тюрмной больницы желаютъ, и безъ вреда для больныхъ могутъ быть облегчены въ своей должности, пусть просятъ распоряженія главнаго доктора» **). Въ началѣ того же 1847 года митрополитъ Филаретъ имѣлъ случай сдѣлать благодѣяніе семейству одного изъ арестантовъ, такого рода ходатайствомъ, изложеннымъ въ письмѣ къ предсѣдательствующему въ Опекунскомъ Совѣтѣ учрежденій вѣдомства Императрицы Маріи, князю С. М. Голицыну: «Не позволите ли представить въ Чернявское заведеніе ***) дочь чиновника арестанта Сенявина, о которой ваше сѣятельство приняли отъ меня записку. Распоряженіе вами уже сдѣлано, только на имя другой, вмѣсто которой теперь сія, какъ болѣе несчастная, представляется. Мать ея, говорятъ, при смерти ****). Это ли «крайне не симпатичное» отношеніе митрополита Филарета «къ арестантамъ», въ какомъ его обвиняютъ люди, близко не знавшіе ни его самого, ни его дѣятельности? *****) А вотъ еще случай, который и свѣтское печатію отмѣчаетъ, какъ фактъ, «наглядно характеризующій добросердечіе покойнаго митрополита Московскаго Филарета». Въ 1860 хъ годахъ случилось, что «велѣдствіе спѣшнаго устройства на станціи Вологое

*) См. тамъ же, стр. 51—52.

**) Тамъ же, стр. 52. Облегченіе требовалось по случаю свирѣпствовавшей тогда въ Москвѣ холеры. Главнымъ докторомъ тюрмныхъ больницъ и былъ Ѳ. П. Гаазъ.

***) Учебное заведеніе на Дѣвичьемъ полѣ, нѣмѣ обремененное правами института.

****) Письма м. Филар. къ кн. С. М. Голицыну, стр. 58. Срав. также заботливость святителя о совершеніи архіерейскаго служенія по желанію арестантовъ въ Письмахъ его къ архіеп. Леониду, стр. 78. Москва, 1883.

*****) См. въ воспоминавіяхъ Арсеньева въ Историч. Вѣстникъ 1887 № 4, стр. 70.

*) См. Письма митроп. Моск. Филарета, хранящіяся въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библиотеки, стр. 64—66. Спб. 1891. Только это письмо изъ писемъ именно къ Евд. Серг. Наумовой, а не къ кн. С. И. Баратаевой, какъ сказано здѣсь же на стр. 11. Срав. 2-е изданіе тѣхъ же писемъ, гдѣ эта ошибка и правлена.

**) См. Тамъ же, стр. 75.

продовольственной части, распорядившись этимъ дѣломъ забыли озаботиться относительно питья дорогою арестантамъ, полагая, что воду на всякой станціи конвойные имъ достанутъ, въ чемъ однако ошиблись: вода требовалась ушатами, конвойные не успѣвали ею запастись и арестанты не рѣдко терпѣли жажду. Услыхавъ объ этомъ, Филаретъ предложилъ снабжать арестантовъ на весь путь изъ Москвы въ Петербургъ и обратно квасомъ въ боченкахъ. Предложеніе это было немедленно принято обоими Комитетами *), затрачивавшими на Бологовскій **) обѣдъ болѣе, чѣмъ по 3000 р. въ годъ, по 1872 годъ включительно ***). А сколько подобныхъ дѣлъ добросердечія и милосердія святителя Филарета еще не обнародовано въ печати и не записано въ архивахъ тюремныхъ Комитетовъ! Характеризуя административную дѣятельность митрополита Филарета по тюремной части вообще, мы исполнѣ можемъ примѣнить къ нему, какъ вице-президенту, слова, сказанныя о немъ членами Московскаго Тюремнаго Комитета въ 1867 году въ отношеніи къ его дѣятельности въ качествѣ непремѣннаго предсѣдателя его въ 1865 году: «Тутъ мы увидѣли въ нашемъ Архипастарѣ, — говорили въ юбилей владыки эти члены, — администратора, для котораго не чужда ни одна отрасль гражданскаго управленія. Намъ оставалось удивляться этой неутомимой дѣятельности, этой быстротѣ соображенія, этой вѣрности взгляда на дѣло, этому искусству управлять многочисленнымъ и разнороднымъ собраніемъ, и все это совершалъ предъ нами маститый старецъ, жертвуя и малымъ своимъ досугомъ отъ своей великой духовной дѣятельности, во имя христіанской любви и милосердія» ****).

Но какъ само собою понятно, не столько хозяйственная, административная, вообще

внѣшняя, сколько духовная, внутренняя сторона тюремнаго дѣла занимала умъ и сердце Московскаго архипастыря, мудраго и вмѣстѣ любвеобильнаго святителя Филарета. Истинно отеческое попеченіе о томъ, что бы «обратить мѣста заключенія въ нравственныя лечебницы душъ, уязвленныхъ порокомъ или преступленіемъ» составляло главнѣйшій предметъ его дѣятельности по Тюремному Обществу и Комитету за все время принадлежности его къ этому Обществу. И въ многоразличныхъ видахъ выражалось это попеченіе. По II правилу 1819 года къ числу духовнаго рода обязанностей Тюремнаго Общества по отношенію къ заключеннымъ принадлежать: «наставленіе ихъ въ правилахъ христіанскаго благочестія и доброй нравственности, на ономъ основанной» и «занятіе ихъ приличными упражненіями» вообще; в частности въ XI правилѣ говорится: «снабжение книгами Священнаго Писанія и другими духовнаго содержанія книгами предоставляется попеченію Комитета. Наставленія и поученія священника, когда и гдѣ возможно такового имѣть, весьма нужны и содѣйствуютъ благотворной дѣли попеченія о тюрьмахъ. Если найдется средство, при которой тюрьмѣ устроить и церковь, то сіе есть превосходнымъ учрежденіемъ для душевной пользы содержащихся. Провожденіе воскресныхъ и праздничныхъ дней въ благочестивыхъ чтеніяхъ, бесѣдахъ и молитвѣ, поставляется въ обязанность для начальства тюремнаго, вводитъ между заключенными, общими стараніями съ Комитетомъ попечительнымъ». Въ этихъ немногихъ, но многозначительныхъ правилахъ, съ которыми въ общемъ были согласны и правила устава 1851 года *), заключалась программа для таковой, именно духовной, дѣятельности членовъ Общества Попечительнаго о тюрьмахъ и въ особенности лицъ духовнаго сана, каковымъ былъ митрополитъ Филаретъ. И въ частности дѣятельность его эта, ближе всего, распадается на два вида: на *распорядительную* относительно исполненія означенныхъ обязанностей и на самую *исполнительную* въ отношеніи къ нимъ.

*) Т. е. и Петербургскимъ и Московскимъ.

**) На станціи Бологое (Николаевской желѣзн. дороги), гдѣ была наиболѣе продолжительная остановка при перевозкѣ пересыльныхъ арестантовъ отъ Петербурга до Москвы, Петербургскій и Московскій Тюремные Комитеты, по взаимному соглашенію, собственнымъ иждивеніемъ, устраивали кухню, съ обѣдомъ изъ нея для арестантовъ.

***) В. Н. Никитинъ, *Тюрьма и ссылки*, стр. 144—145.

****) *Правосл. Обзор.* 1867, XXIII, 168—169.

*) Сп. § 19 этого устава во 2-мъ *Полн. Собр. Закон.* т. XXVI, № 25725.

Распорядительная дѣятельность митрополита Филарета въ разсматриваемомъ отношеніи касалась, съ одной стороны, занятія арестантовъ «приличными упражненіями», а съ другой,—священниковъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ тюремному дѣлу. Но и въ отношеніи къ «занятію» арестантовъ, на примѣръ, упражненіе ихъ въ рукодѣльяхъ разнаго рода и подоб., а тѣмъ болѣе устройство для нихъ развлеченій, онъ предоставлялъ другимъ, свѣтскимъ членамъ; да и при томъ на развлеченія, которыя придумывали для арестантовъ иные, досужіе члены, онъ смотрѣлъ неблагосклонно, какъ на не соответствующія главной цѣли тюремнаго дѣла, какъ благотворительнаго въ собственномъ смыслѣ. Ближайшее вниманіе въ этомъ отношеніи обращалъ онъ на чтеніе книгъ съ разумнымъ ихъ выборомъ. Такъ, на примѣръ, еще въ 1843 году, когда извѣстный сподвижникъ Ѳ. П. Гааза по тюремному дѣлу камергеръ А. Н. Львовъ *) представилъ председателю Общества попечительнаго о тюрьмахъ грѣфу Венкендорфу записку объ изданіи книгъ духовнаго и нравственнаго содержанія для чтенія простолюдинамъ, и мнѣніе объ этой запискѣ, по порученію высшаго начальства, долженъ былъ дать митрополитъ Филаретъ, то святитель Филаретъ писалъ въ этомъ мнѣніи: «Замѣчаніе составителя записки, что возрастающая грамотность народа имѣетъ нужду въ чтеніи, могущемъ питать душу и сердце, справедливо и достойно вниманія. Грамотность простолюдиновъ, обращенная на чтеніе не религіозное, не нравственное, не отечественное, можетъ сдѣлаться хуже безграмотности. Справедливо и то, что произведенія иностранныхъ миссіонеровъ, переведенныя на русскій языкъ, не могутъ приносить истинной пользы народу, представляя описаніе нравовъ и обычаевъ иноземныхъ, и изла-

гая религіозныя понятія въ одностороннемъ и неправославномъ видѣ, поелику обыкновенно ничего не говорятъ о таинствахъ, о священноначаліи, о церковныхъ обрядахъ и постановленіяхъ, о святыхъ отцахъ и о примѣрахъ изъ житій святыхъ. Намѣренно, или не намѣренно, сочиненія сіи имѣютъ такое направленіе, чтобы образовать христіанина въ мірѣ безъ церкви, то есть, мореплвателя въ морѣ безъ корабля. По сему изданіе для народа краткихъ назидательныхъ, вразумительныхъ, приспособленныхъ къ его понятіямъ и потребностямъ сочиненій нужно, и полезно быть можетъ. Но,—добавляетъ святитель,—надобно, чтобы сіе ogłosлено было съ законнымъ порядкомъ и охранено предосторожностями, поелику самое доброе намѣреніе можетъ быть подвержено погрѣшительному исполненію. Печатаніе житій святыхъ, собранныхъ въ Четивей-Минеѣ, всегда принадлежало исключительно Св. Синоду. Печатаніе оныхъ, каждаго особо, предоставить составителю записки можно только въ томъ случаѣ, если разрѣшитъ сіе Св. Синодъ. А иначе можно печатать ихъ для него въ Синодальной типографіи, съ возвращеніемъ издержекъ, безъ всякаго возвышенія цѣны.—Печатать выбранныя мѣста изъ Пролога, сочиненій св. Димитрія (Ростовскаго), преосв. Тихона (Воронежскаго) и другихъ одобренныхъ церковію сочиненій можно дозволить составителю записки, съ облегченіемъ отъ сношенія съ цензурою, но не совсѣмъ безъ надзора. Ибо и изъ одобреннаго сочиненія взятый отрывокъ, не удачно отторженный отъ предыдущаго и послѣдующаго, можетъ подвернуться не благопріятному и неправоумному примѣненію. По сему, какъ съ предосторожностію, такъ и съ удобствомъ согласно было бы, чтобы таковыя выбранныя мѣста г. Львовъ напечаталъ съ совѣщаніемъ и согласіемъ члена Московскаго тюремнаго Комитета изъ священнослужителей. Между членами сего Комитета есть таковыя способные оправдать довѣріе *). Что касается до изданія но-

*) Львовъ былъ почетнымъ смотрителемъ Раненбургскаго уѣздн. училища и служилъ въ канцеляріи Московскаго генераль-губернатора. Сравн. о немъ въ *Русск. Вѣстн.* 1868 г. № 11, стр. 348. Имѣлъ съ тѣмъ А. Н. Львовъ былъ членомъ Московскаго тюремнаго комитета. Подобно Ѳ. П. Гаазу, онъ все свое имѣніе роздалъ бѣднымъ, посвятилъ себя на служеніе человѣчеству, обращалъ преступниковъ на путь истинный и проч.

*) Въ числѣ членовъ Московскаго тюремнаго Комитета изъ священнослужителей за то время были такіе, на примѣръ, какъ извѣстный протоіерей Казанскаго собора Сергій Алексѣевичъ Владимірскій († 1849), котораго очень уважалъ

выхъ сочиненій и переводовъ, которые составитель записки и самъ предполагать представлять на разсмотрѣніе цензуры: сіе не требуетъ особаго сужденія» *). Еще сильнѣе говорить о томъ же предметѣ, только съ другой стороны, святитель Филаретъ въ приведенномъ выше мнѣніи своемъ по вопросу объ измѣненіи нѣкоторыхъ §§ Устава Общества попечительнаго о тюрьмахъ. Подробно изложивъ здѣсь свое мнѣніе по вопросу объ организациі Общества, святитель переходитъ потомъ къ другому изъ поставленныхъ имъ въ началѣ мнѣнія пунктовъ, — къ кругу «занятій арестантовъ» и говорить: «Предполагается, кромѣ книгъ религиозно нравственнаго содержанія, допустить чтеніе арестантами и другихъ книгъ и журналовъ, прошедшихъ чрезъ строгій просмотръ: и это, какъ разсуждаетъ Петербургскій Комитетъ, для того, чтобы устранить отъ арестантовъ скуку, чтобы умножить ихъ развлеченія. Можно, — высказываетъ теперь свое мнѣніе митрополитъ Филаретъ, — допустить чтеніе занимательныхъ и, хотя отчасти, полезныхъ книгъ: но при семъ нужно, чтобы слова: «строгий надзоръ» тщательно были обращаемы въ дѣло. Употреблять себя для разгнанія скуки арестантовъ, и для доставленія имъ развлеченій, — это ниже нравственной цѣли Комитета. Арестантъ, думающій только о томъ, чтобы ему не было скучно, и преданный развлеченіямъ, удерживается симъ отъ того, чтобы войти въ себя, и подумать о своемъ исправленіи; и въ посѣтителѣ, забавляющемъ его, не будетъ искать нравственнаго наставника. Посему надобно, чтобы посѣтитель арестанта являлся ему серьезнымъ человѣкомъ, и поставлялъ его въ серьезное положеніе. Есть ли хотя бы основательно дѣйствовать на улучшеніе религиозно-правственнаго состоянія арестантовъ: то нужно устранить отъ нихъ чтеніе романовъ и журналовъ, которые разсѣваютъ ложныя и тревожныя мысли, зводятъ воображеніе въ необузданную

мечтательность, притупляютъ нравственное чувство, раздражаютъ страсти; и въ которыхъ порочный арестантъ легко найдетъ подобнаго себѣ, украшеннаго цвѣтами и блескомъ слова. Предполагается дозволить арестантамъ писать, переводить и сочинять. Можетъ и сіе со стороны Комитета быть допущено (есть ли найдетъ возможнымъ допустить Правительство), съ прежде положеннымъ условіемъ строгаго и вѣрнаго надзора» *). Такъ разсуждалъ о разсматриваемомъ предметѣ мудрый святитель Московскій Филаретъ, и нельзя не признать глубоко основательными и въ высокой степени цѣлесообразными эти разсужденія, не безъ причины положенными въ основаніе распоряженій правительства по тюремному дѣлу.

Еще болѣе близка была уму и сердцу святителя Филарета другая сторона дѣла, назиданіе заключенныхъ чрезъ священниковъ и вообще высшія духовныя упражненія ихъ. Обстоятельнѣе всего высказалъ онъ мысли свои по этому предмету вслѣдствіе т. е. обаванія, выраженнаго въ указѣ Св. Синода отъ 21 сентября 1840 года, кѣмъ, въ виду Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, предписано было, сообразивъ съ точностію содержащихся въ этомъ мнѣніи Государственнаго Совѣта предположенія о духовномъ назиданіи ссылаемыхъ въ Сибирь преступниковъ съ мѣстными обстоятельствами, представить въ Св. Синодъ, какъ можно поспѣшнѣе, заключеніе по слѣдующимъ пунктамъ: а) въ какихъ изъ означенныхъ по росписанію пунктахъ вѣдомства Московской епархіи могутъ быть назначены священники для предполагаемаго назиданія; б) имѣть ли епархіальное начальство такихъ священниковъ въ виду съ достаточными способностями къ исполненію сей важной обязанности и кого именно; в) какими назначеніями могутъ быть, по мнѣнію митрополита Филарета, снабжены сіи свя-

митроп. Филаретъ См. *Письма м. Филарета къ архим. Антонію* II, 467.

*) *Собр. мнѣній и отзыв. м. Моск. Филарета* т. III, стр. 99—101. Сиб. 1885. Срав. также *Письма м. Филарета къ архим. Антонію* II, 121—123. Москва, 1878.

*) См. *Указатель къ Собр. мнѣній и отзыв. м. Филарета* и пр., стр. 43—44. Сиб. 1891. Мы пользовались раньше упомянутымъ рукописнымъ спискомъ мнѣнія м. Филарета, правленнымъ рукою самого митрополита Филарета и хранящимся въ архивѣ А. В. Горскаго въ библиотекѣ Московск. Дух. Академіи.

щенники и г) какія молитвословія должны предшествовать назиданію преступниковъ, также въ какихъ зданіяхъ, въ какое время и съ какими обрядами все то можетъ быть совершаемо. Въ исполненіе этого указа митрополитъ Филаретъ отъ 18 ноября того же 1840 года доносилъ Св. Синоду слѣдующее: «I. Для исправленія молитвословія и назиданія преступниковъ назначить, изъ означенныхъ въ росписаніи пунктовъ, слѣдующіе этапы: по тракту отъ С.-Петербурга до Тобольской границы—города: Клинъ, Москву и Богородскъ; по тракту отъ Вѣлостока до Москвы: Можайскъ и Москву; по тракту отъ Москвы до станціи Аксайской: Москву и Серпуховъ.—II. Для исполненія сей обязанности назначить: въ Клину, тамошняго соборнаго священника Алексѣя Виноградскаго; въ Богородскѣ, тамошняго протоіерея Нестора Архангельскаго; въ Можайскѣ, тамошней Троицкой церкви священника Іону Донскаго; въ Серпуховѣ, тамошней Распятской церкви священника Ивана Знаменскаго; а въ Москвѣ, приходскаго Троицкаго, на Воробьевыхъ горахъ, священника Аѳанасія Скворцова и посѣщающаго пересыльный замокъ члена тюремнаго Комитета, Николаямскаго священника Василия Благовѣщенскаго.—III. Назначеннымъ протоіереемъ и священникамъ предписать слѣдующее: 1) посѣщать пересылаемыхъ преступниковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они останавливаются по назначенію начальства; 2) для сего избирать время удобное для посѣщающихъ, по соображенію съ обязанностями службы, и для посѣщаемыхъ, дабы имѣть свободу войти съ ними въ сношеніе; 3) сношеніе начинать собесѣдованіемъ челоуѣколюбивымъ и сострадательнымъ, и чрезъ сіе открывать путь назиданію; 4) бесѣдовать съ христіанскою любовію, простотою и снисхожденіемъ; и остерегаться всего, что уничижаетъ и оскорбляетъ. Низко преступленіе, а челоуѣкъ достоинъ сожалѣнія; 5) располагать къ признанію виновности предъ Богомъ и предъ поставленною отъ Него властію, и къ искренней покорности волѣ законной власти и судьбамъ провильнѣя Божія; 6) изяснять необходимость правосудія и благотворность власти, которая и осужденныхъ закономъ не

совсѣмъ отвергаетъ, но желаетъ видѣть исправившимися, и сдѣлать полезными самимъ себѣ и обществу въ другомъ краю государства; 7) въ трудности настоящаго положенія ссылаемыхъ утѣшать и ободрять тѣмъ, что если перенесутъ оное съ терпѣніемъ, поканіемъ и исправленіемъ, то временнымъ наказаніемъ пріобрѣтутъ избавленіе отъ вѣчнаго мученія, уготованнаго грѣшникамъ по правосудію Божію; 8) въ вѣрѣ и молитвѣ указывать источникъ внутренняго и неотъемлемаго утѣшенія, подкрѣпленія и всякой помощи отъ Бога, богатію Единороднаго Сына Его Іисуса Христа, пострадавшаго и умершаго за спасеніе насъ грѣшниковъ; 9) по мѣрѣ вниманія слушающихъ, разговоръ обращать въ поученіе, или сопровождать оный чтеніемъ приличныхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія или Писаній Святыхъ Отецъ, и приглашать къ общей молитвѣ; 10) къ общей молитвѣ приступать, когда хотя нѣкоторые подадутъ надежду, что примутъ въ ней участіе. Невнимающихъ не принуждать, а только убѣждать, чтобы не препятствовали другимъ. Должно уповать, что искренность молитвы молящихся умягчитъ ожесточеніе другихъ; 11) молитвословія надлежитъ избирать, смотря по времени и другимъ обстоятельствамъ. Напримѣръ, если священникъ посѣщаетъ пересылаемыхъ по утру на ночлегѣ: онъ можетъ прочесть для нихъ утреннія молитвы, или первый часъ, при чемъ аллилуія, тропари и стихи надлежитъ произносить съ пѣніемъ, для большаго возбужденія вниманія. Если посѣщаетъ въ праздникъ: прилично совершить молебное пѣніе того праздника. Чаше другихъ молитвословія могутъ быть употребляемы молебное пѣніе съ канонемъ покаяннымъ и канонъ ко Пресвятой Богородицѣ, пѣваемый во всякой скорби и обстояніи; 12) для молитвословія священнику имѣть при себѣ епитрахиль и фелонь, или одну епитрахиль, смотря по удобности и по требованію предполагаемаго молитвословія, и святыи крестъ для цѣлованія по окончаніи молитвословія»). Такъ полно, обстоятельно и цѣлесообразно составленныя святите-

*) *Собр. мнѣній и отзы. м. Моск. Филарета т. III, стр. 28—31.*

лемь Московскимъ правила имѣли, можно прямо сказать, законоположительное значеніе. Въ 1842 году 22 мая состоялся циркулярный указъ Св. Синода съ правилами для назиданія ссыльныхъ, и эти правила имѣютъ прямымъ своимъ основаніемъ мысли, изложенныя въ приведенномъ сейчасъ донесеніи митрополита Филарета *). Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ заключеннымъ въ тюремныхъ замкахъ, святитель Филаретъ, въ глубоко сознаніи того, что «помогать несчастнымъ словомъ утѣшенія и назиданія есть долгъ служителей церкви, хотя бы никакого тюремнаго Общества на свѣтѣ не было» **), дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія и для постояннаго назиданія ихъ служителями церкви и по особеннымъ случаямъ. Такъ, напримѣръ, относительно надѣлавшей въ свое время (въ 1850 г.) столько шума печальной исторіи съ бывшимъ постушникомъ Московскаго Донскаго монастыря Зыковымъ, убившимъ кн. Голицыну ***), святитель Филаретъ отъ 10 апрѣля 1850 года писалъ къ кн. С. М. Голицыну слѣдующее: «Уже я призывалъ священника церкви тюремнаго замка ****), по той самой мысли, которую нахожу въ Вашемъ письмѣ. Онъ неоднократно былъ у несчастнаго †), и нашелъ въ немъ нѣкоторый страхъ вѣчнаго осужденія. Но то, что при семъ я слышалъ, не представляетъ признаковъ искренняго раскаянія. Священникъ, по возможности, будетъ располагать къ сему ††). Трудившихся по тюремному дѣлу священниковъ митрополитъ Филаретъ имѣлъ въ особенномъ вниманіи и при представленіяхъ къ наградамъ †††).

Но святитель Филаретъ не только другихъ, подчиненныхъ ему, служителей цер-

кви, побуждалъ къ исполненію ихъ долга въ отношеніи къ несчастнымъ, а и самъ подавалъ имъ живой примѣръ своимъ собственнымъ исполненіемъ этого долга, что для насъ въ настоящемъ случаѣ еще болѣе важно. И прежде всего, движимый чувствомъ состраданія къ осужденнымъ на тюремное заключеніе и вполне сознавая бѣдственность положенія заключенныхъ, вредъ, бывающій послѣдствіемъ этого положенія и для тѣла, а особливо для души, святитель Филаретъ, не смотря на то, что всегда твердо стоялъ на почвѣ закона, иногда принималъ ходатайства объ освобожденіи нѣкоторыхъ лицъ отъ присужденнаго имъ тюремнаго заключенія, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что служители Церкви, по древнему преданію, «имѣютъ право и обязанность ходатайствовать за несчастныхъ» *) и словомъ Писанія: *въ темницахъ бѣдъ, и посѣтите Мене* **). Такъ это было, напримѣръ, въ 1866 году по отношенію къ извѣстной благотворительницѣ М. А. Мазуриной, которую Московскій Окружный судъ, за недопущеніе полиціи къ описанію ея имущества, осудилъ было на трехмѣсячное тюремное заключеніе, и которой только по особому Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе ходатайства митрополита Филарета, какъ сказано въ Высочайшемъ повелѣніи, тюремное заключеніе замѣнено домашнимъ арестомъ ***). Болѣе же всего утѣшеніемъ и назиданіемъ помогалъ несчастнымъ святитель Филаретъ. Въ его письмахъ къ разнымъ лицамъ и въ другихъ его писаніяхъ мы находимъ много превосходныхъ изреченій, совѣтовъ, мыслей и правилъ, которыя, если бы собраны были во едино, безъ сомнѣнія были бы достойны быть начертанными и выставленными на видныхъ мѣстахъ не только Московскихъ, какъ то было сдѣлано стараніями Э. П. Гааза относительно щитовъ съ нравственными правилами и благочестивыми

*) См. тамъ же, стр. 31. Срав. 2 Полн. Собор. Закон. т. XVII, № 16015.

**) Слова самого митроп. Филарета. См. *Приб. къ Твор. св. Отц.* 1872, XXV, 559.

***) Эта исторія недавно получила новое освѣщеніе въ статьѣ *Русскаго Архива* за 1893 годъ.

****) Доселѣ здравствующаго В. С. Бѣлянинова.

†) Т. е. у Н. С. Зыкова, за убійство подвергшагося тюремному заключенію.

††) *Письма м. Филарета къ кн. С. М. Голицыну*, стр. 73. Москва, 1884. Срав. также *Письма* его издан. И. Публ. Библиотекой, стр. 44. Спб. 1891 и др.

†††) См. напр. *Письма м. Филар. къ кн. С. М. Голицыну*, стр. 112.

*) См. *Письма м. Филарета къ архіеп. Леониду* стр. 91. Москва, 1883. Отд. оттискъ изъ журн. *Душеп. Чтен.*

**) *Письма м. Филар. къ А. Н. Муравьеву*, стр. 647. Кіевъ, 1869.

***) См. о семъ тамъ же, стр. 647 и 649; *Письма м. Филар. къ архіеп. Леониду*, стр. 91—92; 98—99; *Душеп. Чтен.* 1868, I, 144 и др. Срав. *Историч. Вѣстн.* 1893. № 2, стр. 464.

размышленіями, но и всѣхъ остальныхъ русскихъ тюремъ. Изъ многаго приведемъ не многое. Во-первыхъ, относительно самыхъ помогающихъ заключеннымъ, вещественно или духовно, мы находимъ у него слѣдующія правила: «Что вы сдѣлались членомъ Тюремнаго Комитета, — писалъ онъ, напримѣръ, въ 1845 году къ А. Н. Муравьеву, — это хорошо. Дѣлайте возможное добро бѣдствующимъ, по-колику можно *). Господь призритъ **), или, желая показать, что при этомъ дѣланіи добра, не нужно ожидать непременно и благодарности отъ тѣхъ, кому оно дѣлается, въ 1867 году писалъ онъ тому же лицу: «можно и не думать о благодарности. Хорошо помочь страждущему и не воспріять мзды своей ***). Или въ 1846 году упомянутой раньше Е. С. Наумовой, бывшей также членомъ дамскаго Тюремнаго Комитета: «Есть ли сказано: *богатство аще течетъ само собою, не прилагайте сердца* (Псал. 61, 11): не гораздо ли хуже чтобы сердце за нимъ гонялось?» ****) И еще: «Не расточайте великихъ словъ для мелочей. Берегите ихъ для того, что истинно велико» †). Или: «Сердиться не полезно. *Гнѣвъ мужа правды Божія не содѣловаетъ* (Іак. 1, 20). Можно гнѣвомъ только произвести или увеличить раздраженіе другаго: а привести въ лучшее расположеніе можно только терпѣніемъ и миромъ. Духовный законъ говоритъ, что надобно помочь ближнему, и при томъ не оскорблять другаго» ††). Или: «Изъ того, что хотѣли сдѣлать угодное ближнему, и благотвореніе несчастному, но что это худо принято, вывести заключеніе, чтобы пресѣчь пріязненное сношеніе, — это не по Христову разуму умозаключеніе. Слово Божіе учитъ побуждать благимъ злое, любовію холодность, терпѣніемъ нетерпѣніе... Есть ли доброе намѣреніе не достигло исполненія: еще не все потеряно. Богъ,

по выраженію св. Златоуста, и намѣренія цѣлуетъ, и по искренности ихъ, если не теперь, то послѣ даруетъ благое послѣдствіе» *), и т. п. Само собою разумѣется, что самъ святитель Филаретъ въ качествѣ члена Тюремнаго Комитета всячески старался быть первымъ исполнителемъ этихъ правилъ и лишь изрѣдка быть можетъ, какъ человѣкъ, допускалъ такіе случаи нетерпѣливости, какъ описываемый П. А. Арсеньевымъ въ его столкновеніи съ Θ. П. Гаазомъ, если только вѣрно записанъ и описанъ этотъ случай **). — А вотъ правила, которыя могутъ быть примѣнимы къ самимъ заключеннымъ, какъ и ко всѣмъ несчастнымъ и страждущимъ: «Занятіе работою можетъ быть однимъ изъ средствъ, чтобы удерживать броженіе мыслей» ***). Или: «Человѣкъ не сотворилъ своего сердца: потому не онъ и перетворить его можетъ. Не надобно самому свое сердце терзать, но съ признаніемъ своего недостатка и немощи, положить оное при подножіи Креста Христова, и тихо, но прилежно молиться: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Псал. 50, 12)» ****). Или еще: «Скорбящему и болящему читать всего лучше Евангеліе, особенно о страданіяхъ Господнихъ, а также и Псалтирь. Это насущный хлѣбъ» †). Или: «Внѣшняя скорбь попускается судьбами Божиими на человѣка, въ наказаніе за видимыя погрѣшности, въ очищеніе внутренности души, для подвига терпѣнія, чтобы дать вѣнецъ терпѣнія. Какъ бы сіе ни было: долгъ и благо христіанина состоитъ въ томъ, чтобы понести скорбь съ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей, въ увѣренности, что Господь все устрояетъ ко благу нашему» ††) и т. п.

Но выше всего въ этомъ отношеніи являются проповѣди святителя Филарета,

*) Срав. раньше приведенное правило Θ. П. Гааза: „сидѣшите дѣлать добро“.

**) *Письма м. Филар. къ А. Н. Муравьеву*, стр. 171.

***) Тамъ же, стр. 649.

****) *Письма м. Филар. изд. И. Публ. Библ.*, стр. 31. Срав. стр. 40.

†) Тамъ же, стр. 32.

††) Тамъ же, стр. 47—48. Срав. стр. 56.

*) Тамъ же, стр. 48.

***) См. *Историч. Вѣстн.* 1887. № 4, стр. 70—71. Срав. *Дѣтск. Помощь* 1891. № 4, стр. 129—130.

****) *Письма м. Филар. изд. И. Публ. Библ.*, стр. 55. Изъ писемъ къ той же Е. С. Наумовой.

*) Тамъ же.

†) Тамъ же, стр. 75.

††) *Душеп. Чтеніе* 1868, I, 144. Письмо къ упомянутой выше М. А. Мазуриной.

произнесенныя имъ въ разныхъ церквахъ Московскихъ мѣсть заключенія. Самою первую изъ таковыхъ проповѣдей по времени произнесенія представляется произнесенная 23 декабря 1843 года «по освященіи храма Пресвятыя Богородицы, Взыскательницы погибшихъ, устроеннаго при замкѣ пересыльныхъ арестантовъ». Мы помнимъ, что еще Правилами 1819 года было указано: «если найдется средство, при которой тюрьмѣ устроить и церковь, то сіе есть превосходнымъ учрежденіемъ для душевной пользы содержащихся». Согласно этому Петербургскій Комитетъ Общества Попечительнаго о тюрьмахъ еще въ 1820-хъ годахъ на свои средства устроилъ православныя церкви, а въ 1835 году—римско-католическую и лютеранскую. Въ 1836 году президентъ Общества князь В. С. Трубецкой испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на повсемѣстное сооруженіе церквей въ тюрьмахъ на счетъ комитетовъ *); и въ числѣ первыхъ, воспользовавшихся этимъ разрѣшеніемъ, былъ Московскій Комитетъ, устроившій на средства свои и на щедрыя пожертвованія имъ же расположенныхъ къ тому лицъ означенный храмъ при замкѣ пересыльныхъ арестантовъ, на Воробьевыхъ горахъ. Давно уже ощущалась настоятельная надобность въ такомъ храмѣ при этомъ замкѣ; ибо ежедневно не менѣе 500 человѣкъ арестантовъ постоянно пребывало въ замкѣ, такъ какъ ссылаемые въ Сибирь обыкновенно не менѣе какъ на 8 дней оставались здѣсь для отдыха. Благодаря усердію храмоздателей, церковь была построена съ подобающимъ ей благолѣпіемъ, при чемъ святитель Филаретъ, въ качествѣ члена Комитета, кромѣ довольно значительной суммы денегъ, пожертвовалъ еще, съ своей стороны, въ эту церковь служебное Евангеліе, обложенное въ серебряную, ярко вызолоченную оправу; на одной изъ досокъ этого Евангелія находится рельефное изображеніе Божіей Матери Взыскательницы погибшихъ **). Освя-

щеніе церкви (23 декабря 1843 года) митрополитъ Филаретъ совершалъ соборнѣ съ священнослужителями изъ членовъ Тюремнаго Комитета, въ присутствіи исправлявшаго должность Московскаго генераль-губернатора (за болѣзнію князя Д. В. Голицына) князя А. Г. Щербатова, гражданскаго губернатора И. Г. Сенинина, членовъ мужскаго и не задолго передъ тѣмъ учрежденнаго дамскаго Тюремныхъ Комитетовъ и другихъ лицъ *). Для своей проповѣди, произнесенной по литургіи при этомъ освященіи, митрополитъ Филаретъ избралъ текстъ изъ Дѣян. 16, 24, 25: *всади ихъ во внутреннюю темницу, и ноги ихъ заби въ кладь. Въ полночи же Павелъ и Сила молящияся пояху Бога: не слушаху же ихъ юзницы, и началъ ее по сему такъ: «Вотъ и мы молящияся поемъ Бога, если не въ самой темницѣ, то близъ самой темницы, и ради темницы, и слушаютъ насъ юзницы».* А за тѣмъ прямо перешелъ къ раскрытію мысли о побужденіяхъ, цѣли и значеніи устройства храма при тюрьмѣ, съ приличнымъ назиданіемъ и для заключенныхъ въ этой тюрьмѣ: «Помышляя о томъ, что здѣсь нынѣ совершилось, хочу радоваться, радостію человѣколюбія: но нѣсколько и страшусь, страхомъ Божіимъ.—Если бы кому пришло на мысль, во дворѣ темничномъ построить царскій домъ: кто не сказалъ бы, что это не сообразно съ достоинствомъ дома царскаго? Какъ же дерзнули мы во дворѣ темничномъ устроить домъ болѣе, нежели царскій,—домъ Божій? Чистота и святость принадлежать дому Божію преимущественно предъ всякимъ другимъ мѣстомъ, хотя впрочемъ не лишенымъ своей чистоты. Напротивъ того темница, и особенно темница осужденныхъ, не есть ли такое мѣсто, куда общество человѣческое повергаетъ отъ себя нравственную нечистоту? Итакъ сохранится ли чистота, не оскорбится ли святость дома Божія, когда мы поставяемъ его въ соприкосновенности съ темницею осужденныхъ? Правила Святыхъ удаляютъ отъ святыхъ Христовыхъ

*) 2 Полн. Собр. Закон. т. XI, № 9217. Срав. Никитина, улом. соч., стр. 170.

**) Съ своей стороны Ѳ. П. Гаазъ заботился въ эту церковь, о которой онъ также, въ числѣ другихъ членовъ Комитета, весьма заботился, изъ своего не большаго имущества расплате, которое,

по смерти его, и поставлено было надъ входными дверями церкви.

*) См. *Москов. Вѣдомости* за 1844 г. № 3. Въ числѣ присутствовавшихъ при освященіи храма былъ, конечно, и Ѳ. П. Гаазъ

Таинъ, и едва допускають переступить чрезъ прагъ святаго храма, людей, обремененныхъ тяжкими грѣхами, доколь не очистятъ ихъ совѣсти покаяніе, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И не удивительна сія строгость, когда и человѣческій законъ тѣхъ же людей, за тѣ же грѣхи, которые онъ, обнаруживъ, называетъ преступленіями, удаляетъ отъ домовъ и селеній непорочныхъ гражданъ, даже на всегда. Какъ же теперь святыя храмъ, со святыми тайнами, самъ пришелъ къ симъ людямъ, которымъ строгость священныхъ правилъ не даетъ права приступать къ святымъ тайнамъ, и едва позволяетъ входить во храмъ?» И далѣе проповѣдникъ дѣлаетъ замѣчательный, дивный оборотъ мысли: «Милостивъ буди,—зываетъ онъ,—къ немощнымъ служителямъ Твоея святыни, Единый Святыи, Единый Господь, Иисусъ Христосъ, если мы не довольно строго удаляемъ отъ святыни Твоея то, что ея недостойно; если, научась отъ Апостола Твоего, *помянуть позники, аки съ ними связаны* (Евр. 13, 3), мы хотимъ раздѣлить съ ними, что только знаемъ утѣшительнѣйшаго для себя,—именно, благодать святаго храма, и спасительное общеніе, или, по крайней мѣрѣ, благотворную близость животворящихъ Таинъ. Не въ темницу ли, не къ осужденнымъ ли, не къ изгнанникамъ ли, не къ узникамъ ли пришелъ и Самъ Ты на землю, чтобы основать Твой живой храмъ, Твою святую Церковь! Ибо что такое вся земля, послѣ рая, какъ не пространная темница? Что человѣкъ вообще, какъ не осужденный преступникъ райскаго закона, изгнанникъ рая, плѣнникъ грѣха, узникъ брэнной плоти, отягощающей душу? И не гнушалась чистота Твоя; не чуждалась святыня Твоя. Ты пришелъ, и въ сей темницѣ, для сего преступника, изгнанника, плѣнника, узника, поставилъ Твой Голгоескій крестный жертвенникъ; Твоимъ страданіемъ и смертію совершилъ на немъ Твою вселенскую Божественную литургію; принесъ Твою вѣчную жертву, которая одна и та же, и здѣсь, и нынѣ, совершается. И кто были ближайшіе къ сему Твоему жертвеннику?—Разбойникъ одесную; разбойникъ ошуюю. Если сія близость шуяго возбуждаетъ негодованіе:

то какое утѣшеніе подаетъ близость деснаго, который и крестныя жертвы Твоея вѣрою приобщился, и Тебя прославилъ, и самъ спасся, и самымъ безнадежнымъ грѣшникамъ подалъ примѣръ и надежду спасенія! И нынѣ Господи Иисусе Христе Боже нашъ! Святыи и освящающій, Архіерей и жертва, Спаситель грѣшныхъ, Взыскатель погибшихъ, Датель благодати и славы! Да не удалится и отъ здѣшняго жертвенника святыня Твоя; да почиваетъ на немъ благодать Твоя. И если между приближающимися къ нему, предъ зрящимъ на сердца окомъ Твоимъ, явятся и разбойники, или такіе, которые не лучше разбойниковъ: взыскуй и обрѣтай между ими подобныхъ благоразумному распятому съ Тобою разбойнику. Пронзай души ихъ взоромъ Твоего всевѣдѣнія и правосудія, да уязвятся сердца ихъ спасительною скорбію покаянія. И когда отъ сокрушеннаго сердца возопіютъ къ Тебѣ: *помяни ихъ во царствіи Твоемъ* памятію милосердія; даруй имъ благую надежду; и скоро начни отверзать имъ тайную дверь *рая*—въ умиротворенной совѣсти». И за тѣмъ дѣлаетъ обращеніе къ заключеннымъ въ тюрьмѣ узникамъ: «А вы, которыхъ законъ и правосудіе сдѣлали чуждыми для насъ, но которыхъ еще братьями называть побуждаетъ насъ любовь христіанская! Поймите любовь сію, въ ея опытахъ, которые передъ вами. Зачѣмъ пришли къ вамъ, узникамъ, сіи люди свободные, обилующіе, люди почетныхъ званій? Какъ вы съ удовольствіемъ исторглись бы изъ вашей темницы: такъ они съ удовольствіемъ отторглись отъ своихъ дѣлъ и занятій, и поспѣшили къ вамъ, въ темницу. Не имѣютъ ли они въ васъ какой нужды?—Безъ сомнѣнія, никакой. Какая же сила привлекла ихъ сюда?—Сила любви христіанской. Видно, могущественна сія сила; видно, пріятно слѣдовать ея влеченію. По любви христіанской, они находятъ приращеніе своего благополучія въ томъ, чтобы сострадать вашему несчастію, чтобы трудиться для вашихъ нуждъ, чтобы, по возможности, облегчать ваши тягости, наипаче же, чтобы указать вамъ единственное вѣрное средство для вашего примиренія съ нашимъ жребіемъ,—въ вашемъ внутреннемъ примиреніи съ самими собою и съ

Человѣколюбцемъ Богомъ. — Для чего такъ торжественно явился среди васъ и церковный соборъ, и такъ близко къ вамъ водворилъ святыню храма христіанскаго? Почему правосудіе церковное не такъ для васъ рѣшительно и неумолимо, какъ гражданское, хотя Церковь требуетъ не только непорочности во внѣшнихъ отношеніяхъ, но и во внутренней святости, и потому могла бы строже судить виновныхъ? Почему тогда, какъ гражданское общество изгоняетъ васъ, Церковь какъ бы гонится за вами? — Одно изъясненіе сихъ неожиданностей — любовь христіанская. Даже и грозною строгостію церковныхъ правилъ не иной кто вооружилъ служителей вѣры, какъ любовь, по реченному Апостоломъ: *страхомъ спасайте отъ огня восхищающе*: любовь же повелѣла и умягчать строгость правилъ: *милуйте разсуждающе* (Гуд. 1, 22. 23). Любовь во Христъ избрала и провозгласила сей неожиданный образъ дѣйствования: *не приидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. 9, 13). *Прииде Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Матѳ. 18, 11). Та же любовь и нынѣ, отъ девяностидесяти девяти овецъ заблуждшихъ, идетъ искать одной заблуждшей. — Братія, и въ семь уничиженномъ состояніи нашемъ, намъ ради Христа возлюбленные! Не будьте къ сей любви невнимательны и холодны. Если есть въ васъ нѣкоторое расположеніе къ благодарности, какъ оно есть въ общей природѣ нашей: неужели вы попустите себѣ оказаться не добрыми для тѣхъ, которые такъ дѣятельно добры для васъ? Неужели не захотите доставить нѣкоторое утѣшеніе тѣмъ, которые заботятся о вашемъ утѣшеніи? Заботьтесь же сколько нибудь и вы, чтобы доставить имъ утѣшеніе, котораго они ищутъ, — въ вашемъ нравственномъ и духовномъ улучшеніи. Когда примѣчаете близъ себя, что христіанство раскрываетъ въ людяхъ способность находить благополучіе въ томъ, чтобъ итти въ темницу, заботливо заниматься осужденными: догадайтесь изъ сего, что есть въ христіанствѣ сила, и въ самихъ осужденныхъ, и въ самихъ заключенныхъ въ темницѣ, или странствующихъ въ изгнаніе или заточеніе, открытъ способность къ благопо-

лучію, котораго и темница не помрачитъ, которое и на пути въ изгнаніе назадъ не останется. Источникъ сей побѣдоносно-благодѣтельной силы есть благодать Божія; хранилища благодати суть слово Божіе, Церковь и ея таинства; средства привлечь и приобрести оную суть сердечная молитва, поученіе слова Божія, благоговѣйное участіе въ церковномъ богослуженіи и, въ установленномъ порядкѣ, общеніе таинствъ, съ вѣрою и любовью. — Не удивился бы я, если бы вы стали жаловаться, какъ трудно вамъ возвышать духъ вашъ, изъ — подъ тяжести бѣдствія. Не оспариваю сей трудности: но утверждаю, что есть вѣрная возможность преодолѣть ее; и чтобы доказать сіе несомнѣнными опытами, указываю вамъ на темницу, или, если угодно, и на нѣсколько темницъ и изгнаній, или заточеній, которыя несравненно тяжеле вашей темницы и вашего изгнанія, но которыя не препятствовали возвышаться духу, когда онъ того желаетъ. И далѣе указываются примѣры св. апостоловъ Павла и Силы, ноги которыхъ забиты были въ колоды въ Филиппійской темницѣ (Дѣян. 16, 24. 25), Иосифа, невинно вверженнаго въ темницу въ Египтѣ (Быт. гл. 39 и 40) и Манассіи, хотя не безвинно оказавшагося въ темницѣ, однако воспользовавшагося ею благоразумно для покаянія (2 Парал. гл. 33). «Итакъ, — заключаетъ, на основаніи этихъ примѣровъ, свое обращеніе къ заключеннымъ пересыльнымъ проповѣдникъ, — если вы не можете, какъ Иосифъ, сдѣлать свою темницу, изгнаніе, заточеніе, почтенными и славными посредствомъ невинности и непоколебимой добродѣтели: по крайней мѣрѣ, какъ Манассія, старайтесь сдѣлать ваши бѣдствія и трудности спасительными для васъ посредствомъ покаянія, исправленія жизни и безропотной покорности закону, власти и судьбѣ Божіей». Потомъ обращается къ присутствовавшимъ на освященіи членамъ Тюремнаго Комитета, почетнымъ особамъ и другимъ свободнымъ лицамъ: «Что скажу наконецъ, — говоритъ онъ, — соединеннымъ подвижникамъ христіанскаго человѣколюбія, посѣтителемъ темницъ, попечителямъ ихъ обитателей и пресельниковъ? Что въ особенности соработникамъ дѣла благочестія, ко-

торое нынѣ запечатлѣла благодать?— Не многое потребно слово тамъ, гдѣ уже довольно дѣла благонамѣренно совершлось или совершается. *Не обидливъ Богъ забвѣти дѣла вашею и труда любве, юже покажете во имя Его* (Евр. 6, 10). Любовь Божія да не престааетъ одушевлять и улаживать вашъ трудъ. Имя Господа Іисуса да исполняетъ силою слова и дѣйствія вашего человѣколюбія. Въ благоуспѣшномъ утѣшеніи бѣдствующихъ, въ обращеніи заблуждающихъ, въ радостномъ о семъ свидѣтельствѣ совѣсти вашей да является вамъ и въ темницѣ Тотъ, Который отъялъ отъ нея поношеніе, и украсилъ ее, Своимъ увѣреніемъ, что Онъ въ ней былъ: *въ темницѣ бѣхъ. Аминь* *). Такъ глубоко продумана была и вмѣстѣ такъ глубоко сердечна, такъ соотвѣтственна началамъ истинной филантропіи (человѣколюбія) проповѣдь святаго Филарета. Не безъ основанія, конечно, ее и свѣтскіе люди, при томъ знатоки тюремнаго дѣла, ставили въ образцѣ проповѣдей подобнаго рода и «въ поученіе современнымъ тюрьмовѣдамъ» **). Подобнаго же достоинства и позже этой произнесенныя проповѣди митрополита Филарета, относящіяся къ той же области тюрьмовѣднѣя, каковы: произнесенное въ 1852 году «слово по освященіи храма Покрова Пресвятыя Богородицы, въ Московскомъ тюремномъ замкѣ» ***); произнесенная въ 1853 году «Бесѣда по обновленіи храма Воскресенія Христова, при домѣ заключенія должниковъ» ****) и сказанная въ 1854 году «Бесѣда по освященіи храма Пресвятыя Богородицы Взыскательницы погибшихъ, въ тюремномъ замкѣ пересыльныхъ арестантовъ» *****), въ то же время отличающіяся, каждая

въ своемъ родѣ, и особенными свойствами и достоинствами. Особенно же выдается изъ нихъ проповѣдь, произнесенная въ тюремномъ замкѣ въ 1852 году. Храмъ въ этомъ замкѣ существовалъ еще со времени Императрицы Екатерины II, но былъ ветхъ и не благолѣпенъ. Но когда Московскій генераль-губернаторъ графъ А. А. Закревскій пригласилъ въ старость этого храма купца С. В. Прохорова, бывшаго членомъ Тюремнаго Комитета, то онъ совершенно пресбразовалъ этотъ храмъ. Не щадя средствъ, онъ въ скоромъ времени сдѣлалъ этотъ храмъ изящнѣйшимъ изъ храмовъ столицы. Особенное вниманіе обратилъ новый староста на украшеніе храма приличествующими ему, какъ храму тюремнаго замка, иконами. Между этими иконами мы видимъ и изображеніе Спасителя, несущаго заблуждшую овцу на раменахъ своихъ, и изображеніе благоразумнаго разбойника, распятаго вмѣстѣ съ Спасителемъ и т. д. Помимо того въ числѣ иконъ находились и изображенія святыхъ, имена которыхъ носили лица, такъ или иначе прикосновенныя къ тюремному дѣлу въ Москвѣ за то время. Такъ, въ числѣ этихъ иконъ, кромѣ иконъ святыхъ, имена которыхъ носили самъ храмоздатель, генераль-губернаторъ графъ Закревскій, гражданскій губернаторъ И. В. Капнистъ, мы видимъ и иконы, съ одной стороны, св. праведнаго Филарета Милостиваго, имя котораго носилъ митрополитъ Филаретъ, а съ другой, — св. мученика Феодора Тирона, — на память о Ѳ. П. Гаазѣ. На освященіи этого храма, которое 18 сентября означеннаго 1852 года совершалъ также самъ митрополитъ Филаретъ соборнѣ, присутствовали и графъ Закревскій, и князь С. М. Голицынъ, и графъ С. Г. Строгановъ, и Ш. В. Капнистъ и директоры Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета и многіе другіе. «Краснорѣчивое» слово, сказанное митрополитомъ Филаретомъ по освященіи, какъ замѣчено было въ повременной печати, «тронulo до глубины души предстоящихъ. Особенно умилительно было обращеніе любвеобильнаго архипастыря къ заключеннымъ, въ которомъ онъ отечески снисходя къ ихъ немощи, заботливо призываетъ ихъ къ спасенію и указываетъ имъ на средства утѣшенія и

*) *Сочин. м. Моск. Филар.* IV, 278 — 283. Москва, 1882.

**) Св. В. Н. Пикирина, *Тюрьма и Ссылка*, стр. 171. Здѣсь же, на стр. 171—175, приводится и самый текстъ проповѣди. Спб. 1880.

***) *Сочин. м. М. Филар.* V, 166 — 171. Москва, 1885.

****) Тамъ же, стр. 240—244.

*****) Тамъ же, стр. 535—539. Эта проповѣдь, не смотря на сходство случая къ произнесенію, весьма значительно отличается отъ приведенной нами проповѣди 1843 года.

исправленія житія» *). — Завершеніемъ же духовнаго дѣйствованія святителя Филарета въ отношеніи къ заключеннымъ служить слѣдующая, составленная имъ и нарочито присоединенная въ отдѣльныхъ оттискахъ къ приведенной выше проповѣди его отъ 1843 года, *молитва заключеннаго въ темницѣ*: «Господи Боже, Создателю и Спасителю мой, благословенно да будетъ имя Твое святое! Благодареніе и слава Тебѣ, Господи, о всѣхъ благихъ, яже пріяхъ отъ Тебе въ житіи семъ! Нынѣ же скорбь и болѣзнь обрѣтохъ и имя Твое призываю. Поношенія нападоша на мя. Положиша мя въ ровѣ преисподнемъ, въ темныхъ и сѣни смертнѣй. Скорблю о семъ, и по сей скорби разумѣваю, яко согрѣшихъ предъ Тобою, и по грѣхамъ моимъ придоша на мя бѣды. Ибо праведники Твои не унывають и въ темницахъ пояху Тебѣ, и во страданіихъ радовахуся. И аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ? Яко нѣсть человѣка, иже не согрѣшитъ.— Но Ты, Господи, грѣхи всего міра носиши и покаяніемъ очищаеши. Вѣрую, яко и мене грѣшнаго не отвержеши отъ лица Твоего. За весь міръ Единородный Сынъ Твой излія Свою Божественную кровь. Вѣрую, яко и мене отъ грѣховъ моихъ омыти можетъ и хочетъ. Сего ради съ Давидомъ глаголю: исповѣмъ на мя беззаконіе мое, Ты же, яко благъ, остави нечестіе сердца моего.— Страшуся суда и осужденія человѣческаго, но наипаче да будетъ мнѣ въ страхъ Твой неумысленный судъ и вѣчное осужденіе.— Аще неправда возстанетъ на мя: дерзая словомъ Давидовымъ молитися Тебѣ: услыши, Господи, правду мою и воми суду моему, и правдою Твоею избави мя. Аще же неправду сотворихъ, милосердіемъ Твоимъ неправду мою уврачуй.— Не попусти уклонитися сердцу моему во словеса лукавствія, къ сокрытію истины и къ ложному оправданію.— Помози мнѣ и уразумѣти и возненавидѣти неправду мою, возлюбити же правду и во истинѣ

обрѣсти облегченіе душѣ моей.— Облегчи бремя бѣдствія моего. А еже понести мнѣ суждено, да понесу съ терпѣніемъ ради очищенія грѣховъ моихъ и ради умилоствленія Твоего правосудія.— Аще и стыдъ покрыетъ мене предъ нѣкими человѣки, да потерплю со смиреніемъ, да умилоствлю Тебе, Господи, да не постыжденъ буду предъ лицемъ всего міра на страшномъ судѣ Твоемъ.— Прихожду къ Тебѣ скорбный и печальный, не лиши мене духовнаго утѣшенія.— Прихожду къ Тебѣ омраченный, яви мнѣ свѣтъ упованія спасенія.— Припадаю къ Тебѣ изнемогшій, возстави и утверди мене благодатію Твоею.— Паче же всего даруй мнѣ желаніе и помози мнѣ, Господи, творити во всемъ Твою волю, да въ мирѣ совѣсти прославлю имя Твое святое Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь» *). Этимъ — и назиданіемъ въ проповѣди и возведеніемъ духа заключенныхъ къ столь возвышенной молитвѣ святитель Филаретъ самъ, какъ архипастырь, наилучшимъ образомъ исполнялъ то, что въ 1840 году, по требованію Св. Синода, предписывалъ къ исполненію священникамъ относительно тѣхъ же заключенныхъ.

Послѣ всего этого спрашивается: могъ ли такъ говорить, писать и дѣйствовать человѣкъ безсердечный, какимъ представляютъ нѣкоторые митрополита Филарета? Можно ли повѣрить, чтобы митрополитъ Филаретъ въ упомянутомъ нами случаѣ столкновенія съ Ѳ. П. Гаазомъ сказалъ послѣднему такъ, какъ передаетъ И. А. Арсеньевъ: «Да что вы, Ѳедоръ Петровичъ, ходатайствуете объ этихъ негодняхъ? Если человѣкъ попалъ въ темницу, то проку въ немъ быть не можетъ» **)?

*) См. *Сочин. м. Моск. Филар.* IV, 283—284. Эта молитва, какъ видно и изъ самаго расположенія ея отдѣльныхъ мыслей, вполне была бы достойна быть списанною и выставленною на виду въ темницахъ, подобно тому какъ выставлены были Ѳ. П. Гаазомъ нравственныя изреченія и правила, благочестія и размышленія и под. на большихъ щитахъ, о которыхъ говорено было выше.

**) *Историч. Вѣстникъ* 1887, № 4 (т. XXVIII), стр. 70. Безъ сомнѣнія, вѣрнѣе сообщеніе, помѣщенное въ № 4 *Дѣтской Помощи* за 1891 годъ, гдѣ фраза митроп. Филарета передается такъ: „Вы утрируете, докторъ; невинно осужденныхъ не бы-

*) См. *Москов. Вѣдомости* 1852, № 116. Въ послѣднихъ словахъ этого сообщенія указывается именно на ту часть проповѣди митроп. Филарета, которую можно видѣть въ *Сочиненіяхъ* послѣдняго на стр. 171—172, т. V.

Теперь кстати мы скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ митрополита Филарета къ Ѳ. П. Гаазу вообще, чтобы потомъ сравненіемъ ихъ между собою и закончить нашъ настоящій очеркъ. Надобно замѣтить, что Ѳ. П. Гааза митрополитъ Филаретъ узналъ и, по обычаю, благодаря своей извѣстной зоркости, проицательности, оцѣнилъ по достоинству съ самаго же перваго года вступленія ихъ обоихъ въ составъ Московскаго Тюремнаго Комитета, т. е. съ 1829 года. Онъ видѣлъ ревность Ѳ. П. Гааза по тюремному дѣлу, его неутомимую дѣятельность, его доброе намѣреніе оказать помощь несчастнымъ арестантамъ не только вещественную, но и духовную, и не могъ не цѣнить въ немъ всего этого. Но не могъ онъ также не видѣть, что эта ревность часто граничила съ ревностію не по разуму, выходила изъ круга дѣятельности, принадлежавшаго ему, какъ врачу и одному изъ членовъ-директоровъ Московскаго Тюремнаго Комитета, становилась утомительною, обременительною для сотрудниковъ по Тюремному Комитету и другихъ лицъ, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе по тому же тюремному дѣлу, — и онъ не могъ не желать нѣкотораго успокоенія этой ревности, даже ограниченія ея въ иныхъ случаяхъ, направленія для нея лучшаго, нежели какое давалъ ей самъ добрѣйшій Ѳедоръ Петровичъ, и т. п. Такъ еще въ 1829 году Ѳ. П. Гаазъ, имѣя въ виду доставить заключеннымъ духовное назиданіе изъ Св. Писанія, между прочими изреченіями послѣдняго, воспользовался особенностію существовавшего тогда русскаго перевода одного мѣста въ Евангелии отъ Луки (9, 23) по изданію Библейскаго Общества и хотѣлъ сдѣлать изъ него примѣненіе къ заключеннымъ, съ дальнѣйшими выводами изъ мысли, въ немъ заключающейся, и предложилъ о томъ въ Тюремномъ Комитетѣ. Митрополитъ Филаретъ въ это время былъ въ Петербургѣ и его въ Москвѣ и въ Тюремномъ Комитетѣ замѣнялъ викарій, епископъ Дмитровскій Иннокентій. На запросъ послѣдняго о предположеніи Ѳ. П. Гааза митрополитъ Филаретъ отъ

ваецъ“ (стр. 130); дальнѣйшія послѣдствія этой фразы и тамъ и здѣсь одни и тѣже.

23 ноября означеннаго 1829 года отвѣчалъ ему: «Что касается до стиха: *каждый день бери крестъ свой* *) (Лук. 9, 23), я согласенъ, что его неудобно употребить по предположенію г. Гааза. Ибо слова: *каждый день*, суть вариантъ, хотя вариантъ достойный уваженія по тѣмъ, у которыхъ онъ употребленъ. Поелику же сихъ словъ въ изданіяхъ церковныхъ, пользующихся довѣріемъ народа, нѣтъ: то употребленіе оныхъ не разсудительными можетъ подать поводъ къ толканіямъ. Итакъ, если и надобно употребить слово Священнаго Писанія по предположенію г. Гааза: то надобно употребить такое, которое бы не давало случая къ пререканіямъ» **). Не довольствуясь этими попытками дѣйствованія въ Тюремномъ Комитетѣ въ отсутствіи митрополита Филарета, Ѳ. П. Гаазъ и самаго митрополита Филарета не рѣдко осаждалъ, если можно такъ выразиться, своими опытами вторженія въ чужую область. Будучи и оставаясь до конца жизни ревностнымъ римско-католикомъ, онъ письменно, если не словесно (въ комитетскихъ засѣданіяхъ) обращался къ митрополиту Филарету за разъясненіемъ спорныхъ пунктовъ въ области богословія, за разрѣшеніемъ разнаго рода богословскихъ вопросовъ, не взирая на то, что у митрополита Филарета и безъ него много было дѣла болѣе важнаго и близкаго къ кругу прямыхъ его обязанностей. Въ этомъ смыслѣ, когда въ 1851 году Ѳ. П. Гаазъ обратился къ святителю Московскому за разрѣшеніемъ одного изъ такихъ вопросовъ, а между тѣмъ въ то же время Филаретъ получилъ и отъ А. Н. Муравьева, который знакомъ былъ съ Ѳ. П. Гаазомъ, письмо съ извѣщеніемъ о постигшей его болѣзни и съ указаніемъ сущности вопроса, который желалъ разрѣшить Ѳ. П. Гаазъ, святитель писалъ отъ 14 іюля А. Н. Муравьеву слѣдующее: «Ѳедоръ Петровичъ, вмѣсто того, чтобы писать мнѣ вопросъ, которымъ любопытствуешь и испытываешь, а не нужнаго ищешь, лучше напи-

*) Такъ именно переведены въ изданіи Библейскаго Общества слова: *возметъ крестъ свой*. Синодскій переводъ изданія 1860 года и дальн. имѣетъ просто: *возьми крестъ свой*.

**) См. *Прибавл. къ Твор. св. Отц.* за 1872 годъ, ч. XXV, стр. 559.

саль бы вамъ хорошій рецептъ» *). Однако все же не оставилъ безъ отвѣта его вопросъ и въ тотъ же день писалъ А. Н. Муравьеву: «Да благоволитъ сказать Анд. Ник., какъ онъ обрѣтается и что говорить врачъ. И отъ скуки пусть прочитаетъ отвѣтъ Федору Петровичу» **). — Не довольствуясь собственными опытами оказыванія заключеннымъ не только врачебной помощи въ отношеніи къ тѣлу, но и помощи чрезъ врачеваніе духовное, Ѳ. П. Гаазъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ побудителей духовенства къ исполненію его обязанностей въ отношеніи къ заключеннымъ, при чемъ опять не рѣдко, не взирая на ихъ прямыя и ближайшія по приходу и другимъ обязанностямъ занятія, требовалъ отъ нихъ почти невозможнаго. Въ виду этого митрополитъ Филаретъ вслѣдъ за вышеприведенными словами своего письма къ викарію епископу Иннокентію отъ 23 ноября 1829 года пишетъ: «Что на духовныхъ членовъ Тюремнаго Комитета налагаютъ бремена тяжка: то конечно происходитъ отъ ревности, хотя можетъ быть не довольно точно управляемой разумомъ. Что же тутъ дѣлать? Помогать несчастнымъ словомъ утѣшенія и назиданія есть долгъ служителей Церкви, хотя бы никакого Тюремнаго Общества на свѣтѣ не было. Итакъ скажите священникамъ, что ихъ званіе проситъ ихъ дѣлать, чтб возможно, ради Христа и чловѣколюбія, и не кидать дѣла ради докучливости какого нибудь члена Тюремнаго Общества. Но есть ли точно требуемое отъ нихъ не совмѣстно съ исполненіемъ ихъ главной должности: то во первыхъ, надобно искать помощи, напри- мѣръ именемъ духовнаго начальства пригласить къ содѣйствію другихъ священниковъ по удобности; сказать налагающимъ бремена съ кротостію, что ихъ бремена неудобноносимы, и доказать сіе, и заключить просьбою, или сдѣлать бремена удобноносимыми или уволить отъ Общества, и оставить на свободѣ посылить-

ное добро дѣлать ближнему. Ибо цѣль Общества помогать бѣдствующимъ, а не поработать свободныхъ членовъ» *). Такой, воицн правильный, взглядъ на тюремное дѣло и на цѣль Общества попечительнаго о тюрьмахъ всегда имѣлъ и высказывалъ, сообразно съ нимъ и дѣйствуя, митрополитъ Филаретъ. Не удивительно, поэтому, что когда въ засѣданіяхъ Тюремнаго Комитета Ѳ. П. Гаазъ, по обычаю, горячился и въ горячности не замѣчалъ, что требовалъ иногда незаконнаго, не входившаго въ кругъ правъ Тюремнаго Комитета, принадлежавшаго по праву учрежденіямъ Правительственнымъ, преслѣдуя только филантропическія задачи, митрополитъ Филаретъ, желая поставить его въ должныя границы, говорилъ ему и при немъ подобное тому, что писалъ въ 1862 году на замѣчаніе Петербургскаго Комитета о неудовлетворительности тюремной стражи: «Сей предметъ подлежитъ разсужденію не Общества попечительнаго о тюрьмахъ, а Правительства, которое одно имѣетъ вѣрный способъ охраненія тюремъ стражею при- сяжною и вооруженною» **); или въ такомъ родѣ: «вы утрируете, докторъ» ***). Но и при этомъ, когда докторъ Гаазъ, преслѣдуя все тѣ же цѣли филантропіи, въ горячности вскрикивалъ: «ваше высокопреосвященство, вы забыли о Христѣ, который тоже былъ въ темницѣ», митрополитъ Филаретъ, послѣ минутнаго молчанія, «съ кротостію» отвѣчалъ: «Не я забылъ о Христѣ, но Христось забылъ меня въ эту минуту. Простите Христа

*) *Прибавл. къ Твор. св. Отц.* 1872, XXV, 559—560. Какъ извѣстно, не одинъ Ѳ. П. Гаазъ, вспомоществуемый могущественнымъ покровительствомъ князя Д. В. Голицына, такъ относился къ духовенству со стороны участія послѣдняго въ тюремномъ дѣлѣ, а и многіе, ставя ему въ вину то, чтб, по зрѣломъ разсмотрѣніи и обсужденіи, или вовсе не представляло вины или было только опущеніемъ по невозможности исполнить или же по немоци. Ср. Някитина, *Тюрьма и ссылка*, стр. 177 и дал.

**) *Указателъ къ Собр. мн. и отзыв. м. Филар.* и проч., стр. 44. Сиб. 1891. Срав. упомянутую раньше рукопись архива А. В. Горскаго въ бібліотекѣ Моск. Дух. Академіи.

***) Мы припомнимъ, конечно, изъ вышесказаннаго, что и генералъ Канцевичъ не разъ обвинялъ Гаазъ въ утрировкѣ филантропіи, и нельзя сказать, чтобы совсѣмъ и всегда безосновательно.

*) *Письма м. Филарета къ А. Н. Муравьеву*, стр. 363. Кіевъ, 1869. Здѣсь же на стр. 364 см. характеристику Ѳ. П. Гааза, сдѣланную А. Н. Муравьевымъ.

**) Тамъ же, стр. 364. Жаль, что А. Н. Муравьевъ не сохранилъ текстъ этого отвѣта.

ради», и под. *). Ибо и самъ онъ, митрополитъ Филаретъ, какъ мы замѣчали въ своемъ мѣстѣ, былъ истиннымъ филантропомъ и проповѣдывалъ чело-вѣколюбіе (филантропію) даже съ церковной кафедрѣ, но только, — повторяемъ, — чело-вѣколюбіе (филантропію) истинное, а не утрированное. — При всемъ томъ митрополитъ Филаретъ всегда отдавалъ должную справедливость и врачебному искусству Ѡ. П. Гааза, его авторитету въ этомъ дѣлѣ и вообще въ его специаль-ности по части тюремнаго дѣла, и его добрымъ намѣреніямъ въ самыхъ дѣлахъ чело-вѣколюбія (филантропіи) по той же части. Такъ, напримѣръ, было въ холер-ный 1830 годъ, когда Ѡ. П. Гаазъ пода-валъ мнѣніе объ окуриваніи товаровъ и вещей «для успокоенія боящихся зара-зы» **). Такъ было, за тѣмъ, въ холеру 1847 года, когда врачи одной изъ тю-ремныхъ больницъ Москвы нуждались въ облегченіи своихъ трудовъ и когда митрополитъ Филаретъ находилъ нужнымъ, чтобы они для сего просили распоряже-нія Ѡ. П. Гааза, какъ «главнаго доктора» тюремныхъ больницъ ***), и под. †). Рав-нымъ образомъ и въ отношеніи къ самымъ дѣламъ чело-вѣколюбія Ѡ. П. Гааза митрополитъ Филаретъ еще отъ 1 февраля 1832 года писалъ викарію своему, пре-освященному Николаю, епископу Дмитров-скому, состоявшему однимъ изъ директо-ровъ Московскаго Тюремнаго Комитета и, подобно многимъ другимъ, жаловав-шемуся на Ѡ. П. Гааза: «Ревность г. Гааза по Тюремному Комитету точно утомительна. Должно съ безстрастіемъ утишать ее, и съ терпѣніемъ ради доб-раго намѣренія» ††).

*) *Историч. Вѣстн.* 1887, № 4, стр. 71. Сп. *Дѣт. Помощь* 1891, № 4, стр. 130 и др.

***) См. *Собр. мнѣн. и отзы. м. Моск. Фи-ларета* т. II, стр. 285—286. Спб. 1885. Мнѣніе подано было въ особомъ, по случаю холеры, смѣ-шанномъ Совѣтѣ, протоколъ засѣданія котораго поручено было составить митрополиту Филарету.

****) *Письма м. Филар.* изд. И. Публ. библ., стр. 52. Спб. 1891.

†) Припомнимъ, напр., также приведенную выше выдержку изъ письма м. Филарета къ А. Н. Муравьеву о Ѡ. П. Гаазѣ, въ разсужденіи рецепта.

††) *Чтенія въ Общ. моб. дуж. проsv.* 1869 г., кн. VIII, стр. 58 „Матеріаловъ для біографіи м. Филарета“.

Итакъ, что же вытекаетъ изъ всего, доселѣ сказаннаго о двухъ, безъ сомнѣ-нія, замѣчательныхъ представителяхъ рус-ской благотворительности недавняго прош-лаго? Оба они, — и митрополитъ Филаретъ, и Ѡ. П. Гаазъ, — очень много сдѣлали добраго по части благотворительности во-обще и по тюремному Комитету вчастно-сти; оба не щадили ни силъ своихъ, ни здоровья, ни денежныхъ средствъ для блага меньшей братіи; оба отличались ревностію въ дѣлахъ чело-вѣколюбія, и т. д. Но нельзя не видѣть и значитель-ной разности въ свойствахъ того и дру-гаго и въ характерѣ дѣятельности ихъ. Если Ѡ. П. Гаазъ былъ «сердцемъ» Мо-сковскаго Тюремнаго Комитета, то митро-политъ Филаретъ былъ по всей справед-ливости «умомъ» его. Ѡ. П. Гаазъ, ру-ководяея однимъ лишь чувствомъ, не рѣдко бывалъ неразборчивъ въ средствахъ для достиженія цѣлей чело-вѣколюбія, не обращалъ иногда вниманія на досужность или недосужность другихъ, по большей части должностныхъ, лицъ, преслѣдуя эти цѣли; будучи врачомъ по должности и специальности, вторгался иногда въ такія области, которыя очень далеки были отъ врачебной практики и отъ спеціальной об-ласти его познаній, при томъ часто и тогда, когда вовсе не требовали ни мнѣнія, ни участія его въ этихъ чуж-дыхъ для него областяхъ. Митрополитъ Филаретъ, наученный долговременнымъ и не легкимъ упражненіемъ и опытомъ тому, чтобы чувства управлять умомъ и раз-судкомъ, строго обдумывалъ и взвѣши-валъ средства, коими могли быть дости-гаемы благія цѣли чело-вѣколюбія *); самъ имѣя множество должностныхъ занятій, умѣлъ цѣнить досугъ и время другихъ занятыхъ людей и въ этихъ видахъ часто на себя самаго принималъ лишнее бремя труда, лишь бы пощадить трудъ и время другихъ **); въ отношеніи къ Тюремному

*) См. напр. его, относящееся и къ тюремному вопросу, замѣчательное по своей осторожности и обдуманности мнѣніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія въ V томѣ *Собр. мн. и отзы. м. Филар.* стр. 128 и дал. Надобно замѣтить, что въ этомъ мнѣніи митроп. Филаретъ долженъ былъ критиковать мнѣніе не только высо-кой, но и Высочайшей Особы.

***) Срав. напр. упомянутый выше протоколъ

Комитету будучи болѣе врачомъ душъ, нежели администраторомъ, онъ только изрѣдка и по необходимости, въ виду настоятельныхъ просьбъ со стороны, принимался за то, что выходило изъ круга прямыхъ его обязанностей, проявляя впрочемъ и здѣсь и свой глубокой умъ и мѣру во всемъ и стройность постановки дѣла. Но это не значить, однако, что и у святителя Филарета не было сердечности въ дѣлахъ Тюремнаго Комитета. Любовь христіанская, искренняя, глубокая, опять объединяетъ обоихъ разсматриваемыхъ дѣятелей на поприщѣ челоуѣколюбія, благотворительности въ отношеніи къ страждущимъ, несчастнымъ, заключеннымъ, арестантамъ. Мы видѣли проявленія этой любви въ дѣятельности Ѡ. П. Гааза. Не могли мы не видѣть ея проявленій и въ словѣ и на дѣлѣ и у святителя Филарета. Не безъ основанія, конечно, и самъ Московскій Тюремный Комитетъ, при чествованіи 50 лѣтняго юбилея святительства Филарета, митрополита Московскаго, въ 1867 году, публично заявлялъ ему, что въ своемъ званіи вице-президента Московскаго Тюремнаго Комитета онъ «въ теченіи почти 40 лѣтъ былъ животворною силой, которая проникла отъ него въ Комитетъ путемъ назиданія, совѣта, а иногда настоятельнаго требованія, и всегда и во всемъ являла благотворныя послѣдствія» *). А такою «животворною силой» не могъ бы быть въ митрополитѣ Филаретѣ одинъ только умъ, не сопутствуемый дѣятельностію его любящаго сердца. Ибо отрѣшенный

отъ содѣйствія сердца умъ могъ бы только изсушать и мертвить, а не оживотворять. И не безъ основанія также Московскій Тюремный Комитетъ, въ ознаменованіе упомянутаго сейчасъ юбилейнаго событія, которое, кстати, было почти таковымъ же событіемъ и всей дѣятельности митрополита Филарета по Обществу попечительному о тюрьмахъ (съ 1819 года), «положилъ — поставить въ церкви тюремнаго зѣмка икону преподобнаго Филарета Милостиваго, имя котораго» митрополитъ Филаретъ носилъ на себѣ «и дѣлами котораго украшалась жизнь» его *). Уже этого одного достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, на сколько митрополитъ Филаретъ, будучи «умомъ» Московскаго Тюремнаго Комитета, былъ въ тоже время, подобно Ѡ. П. Гаазу, и «сердцемъ» этого Комитета, и на сколько онъ, по этому, т. е. соединяя въ себѣ и то и другое, былъ выше Ѡ. П. Гааза. И если смерть и погребеніе Ѡ. П. Гааза были поучительны во многихъ отношеніяхъ и были верхомъ торжества идеи, за которую онъ боролся, которую онъ стремился осуществить во всѣ послѣдніе 25 лѣтъ своей жизни, то еще болѣе была поучительна «безболѣзненная, не постыдная, мирная кончина» святителя Филарета и несравненно болѣе торжественнымъ было погребеніе и поименованіе его, какъ завершеніе и увѣнчаніе многолѣтняго подвига всей его святой жизни, по слову Писанія: *Память праведнаго съ похвалами* (Притч. 10, 7).

засѣданія смѣшаннаго Совѣта въ холерный 1830-й годъ.

*) *Правосл. Обзор.* 1867, XXIII, 168 „Извѣстій и Замятокъ“.

*) Тамъ же, стр. 169. Срав. нашу статью: *Черты изъ житія св. праведнаго Филарета милостиваго въ жизни Филарета, митрополита Московскаго, въ Бююслов. Вѣстникъ* за 1893 годъ №№ 3, 5 и 6.

